

Егор ТИТОВ

«СПАРТАК» –
НАШЕ
ВСЁ

Откровения
кумира
красно-белых

**Егор Ильич Титов
Алексей Николаевич Зинин
«Спартак» – наше всё.
Откровения кумира красно-белых**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17100016

*Егор Титов. «Спартак» – наше всё. Откровения кумира красно-белых: Эксмо; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-85663-3*

Аннотация

Почему на самом деле, имея многомиллионное предложение от «Баварии», на тот момент лучший футболист России остался в «Спартаке», да еще с зарплатой 10 000 долларов в месяц? Как родной клуб подставил своего символа и сделал его изгоем для большого футбола на целый год? Что нужно для того, чтобы забить 100 красивых голов и отдать 100 неординарных голевых передач? Один из лучших и самых популярных российских футболистов Егор Титов совместно со своим другом, известным футбольным экспертом Алексеем Зининым, написал книгу-сенсацию. Потрясающая легкость и искренность изложения, призывающая к осмыслению глубина суждений, абсолютная неприкрытость правды и море юмора – все в этой книге.

Содержание

От редакции	5
Титов Егор Ильич	6
Зинин Алексей Николаевич	8
Книжная предыстория	9
«Предматчевая установка» читателям	10
Становление	12
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	30
Проверка психики	34
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	44
Глава 8	52
Человеческий фактор	58
Глава 9	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Егор Титов, Алексей Зинин

«Спартак» – наше всё.

Откровения кумира красно-белых

© Титов Е., Зинин А., 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

От редакции

Издательство «ЭКМО» больше восьми месяцев потратило на то, чтобы добиться права на переиздание автобиографической хрестоматии Егора Титова.

В итоге вы держите в руках удивительную книгу. Искреннюю и глубокую, аналогов которой в России нет. Каким Титов был неординарным футболистом, таким же он оказался филигранным рассказчиком.

Уникальность книги заключается еще и в том, что соавтором Егора является не журналист, как принято в подобных случаях, а владелец Агентства стратегического консалтинга и трансферных решений, консультант футбольных клубов, популярный футбольный аналитик и специалист по личностному росту спортсменов Алексей Зинин. Именно поэтому в книге затронуто такое огромное количество важных нюансов, каждый из которых позволяет создать более полную картину мира профессионального спорта.

За время наших переговоров по переизданию книги в жизни Егора многое поменялось. Самое главное, спустя годы он вернулся в родной «Спартак». Вернулся в качестве тренера, который, вместе с другими прославленными спартаковцами Дмитрием Аленичевым и Сергеем Родионовым, должен возродить чемпионскую мощь красно-белых.

Конечно, соблазн переработать книгу и дополнить ее новыми деталями был велик. Но мы столкнулись с тем, что в свете времени, в свете новых событий размышления Егора 7–10 летней давности теперь воспринимаются вдвойне интересней. Как многое он предвидел! Как многое предсказал!

Теперь мы уже знаем, каким его мечтам так и не довелось сбыться. Мы знаем цену, которую он заплатил. Знаем, кого из дорогих его сердцу людей ему пришлось проводить в последний путь. И перечитывая сегодня события давно минувших дней, мы переживаем их с особым трепетом.

Мы признательны Егору за его мужество. Он согласился сохранить книгу в прежней версии, не изменив ни слова, если и есть сокращения, то они сделаны редакцией и не касаются деталей и оценок. А ведь многие из тех, кому в этой книге адресована та или иная глава, теперь находятся в ином статусе и далеко не всем из них понравится сегодня это прочитать.

Егор и себя не пытался подретушировать, переделать хотя бы один из неудавшихся своих прогнозов, вычеркнуть хотя бы один неприятный факт. Что было, то было!

Уверяем, вы прочтете эту книгу запоем и будете ждать продолжения. Спешим вас обрадовать, Егор с Алексеем над продолжением уже работают. Ну а пока, прямо сейчас, специально для вас – откровения Титова-футболиста.

Кстати, эта книга хороша еще и тем, что каждая глава в ней самодостаточная. Открывайте на любой странице и получайте удовольствие.

Издательство «ЭКМО»

Титов Егор Ильич

Родился 29 мая 1976 года в Москве.

Рост – 187 см, вес – 80 кг.

В московском «Спартаке» с 1983 года; с 1992 года – в дубле; с 1995 года выступал за основной состав. В июле 2008 года вынужден был «Спартак» покинуть. Но после быстроевых выступлений за «Химки» (Химки, Московская область) и «Локомотив» (Астана, Казахстан) принял решение о завершении карьеры игрока.

В сборной России с 1998 по 2007 год.

Капитан «Спартака» с 2000 по 2008 год.

Чемпион России (6 раз): 1996, 1997, 1998, 1999, 2000 и 2001 годы.

Серебряный призер чемпионатов России (3 раза): 2005, 2006, 2007 годы.

Бронзовый призер чемпионатов России (2 раза): 1995, 2002 годы.

Обладатель Кубка России (2 раза): 1998, 2003 годы.

Финалист Кубка России (2 раза): 1996, 2006 годы.

Участник матчей за Суперкубок России (2 раза): 2006, 2007 годы.

Серебряный призер чемпионата Казахстана (1 раз) 2009 год.

Обладатель Кубка чемпионов Содружества (3 раза): 1999, 2000 и 2001 годы.

Финалист Кубка чемпионов Содружества (3 раза): 1997, 1998, 2002 годы.

Полуфиналист Кубка УЕФА (1 раз): 1997/98 год.

Участник чемпионата мира (1 раз): 2002 год.

Участник чемпионата Европы среди молодежных команд (1 раз): 1998 год.

Лучший футболист России по опросу еженедельника «Футбол» (2 раза): 1998, 2000 годы.

Лучший футболист России по опросу газеты «Спорт-экспресс» (2 раза): 1998, 2000 годы.

Лучший атакующий полузащитник Чемпионата России по футболу за 20 лет (1992–2012) по версии официального жюри конкурса.

Обладатель высшей награды болельщиков ФК «Спартак-Москва» «Золотой кабан» (2 раза): 2003, 2007 годы.

Попадание в число 33 лучших игроков (9 раз): 1997, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2006, 2007 годы.

Мастер спорта международного класса (звание присвоено в 2002 году).

Член клуба «100» для российских бомбардиров (вошел в 2006 году).

Обладатель титула «Джентльмен года»: 2000 год.

Лауреат премии «Стрелец» в номинациях: «Лучший полузащитник атакующего плана»: 1998 год. «Лучший диспетчер» (3 раза): 1999, 2000, 2001 годы. «Самый ценный игрок»: 2000 год.

Лучший футболист в истории российских чемпионатов по опросу футболистов Премьер-лиги.

Вице-бомбардир Кубка чемпионов Содружества за всю историю турнира.

Рекордсмен «Спартака» по количеству сыгранных матчей в чемпионатах России.

Рекордсмен «Спартака» по количеству забитых мячей в чемпионатах России.

Рекордсмен «Спартака» по количеству голевых передач в чемпионатах России.

Рекордсмен «Спартака» по количеству матчей в еврокубках.

В составе «Спартака» сыграл: в чемпионатах страны – 324 матча (87 голов), в Кубке страны – 39 матчей (4 гола), в еврокубках – 77 матчей (15 голов).

В сборной России – 41 матч (7 голов).

Всего в карьере: 486 матчей – 113 голов.

9 сентября 2012 года состоялся прощальный матч Егора Титова.

С июня 2015 года – тренер ФК «Спартак-Москва».

Один из лучших и самых популярных игроков в истории российского футбола.

Зинин Алексей Николаевич

Футбольный эксперт на телевидении и в печатных СМИ, стратегический консультант российских и европейских клубов, президент Агентства стратегического консалтинга и трансферных решений AZ Sport Universal, футбольный функционер.

Автор книг со звездами спорта, автор популярного блога на Спортс.ру «Разоблачение игры», ведущей авторской рубрики «Спорт-экспресса» «Трансферная аналитика с Алексеем Зининым».

Преподаватель Высшей школы бизнеса РМА факультета «Менеджмент в игровых видах спорта», преподаватель МГУ Высшей школы культурной политики, руководитель факультета «Менеджмент в футбольной индустрии», тренер личностного роста по работе с представителями спорта, бизнес-структур и префектур города Москвы, коуч Академии ФК «Спартак-Москва» имени Федора Черенкова, автор и ведущий первого в истории российского футбола семинара «Стань селекционером».

Разработчик аналитических и скаутинговых методик в индустрии футбола, разработчик программ и тренингов по личностному росту спортсменов.

alexzinin@mail.ru

Книжная предыстория

Мы сидим у меня в квартире на Кутузовском. Пьем фруктовый кефир (а что здесь удивительного?). По телевизору без звука крутится нарезка лучших фрагментов спартаковской игры 1990-х годов. Время от времени мы отвлекаемся от беседы, я хватаюсь за пульт, судорожно жму на кнопку громкости, и вместе с голосом комментатора в комнату врывается шум трибун. «Леша, смотри! – кричу я своему соавтору. – Сейчас Васька в центр отдаст, а я Шире покачу». Васька и впрямь отдает, я качу Шире. Саня забивает. Только что увиденный эпизод завладевает моим сознанием, и я окунаюсь в него без остатка.

Иногда я удивляюсь возможностям человеческого мозга. Это же просто поразительно, сколько всего он способен в себя вместить! Я по крайней мере без труда воскрешаю любую проведенную нами голевую комбинацию. Назовите мне любой матч, нарисуйте, кто где располагался в момент нашей результативной атаки, и я с точностью вам скажу, как будут развиваться события в дальнейшем.

Поскольку я и сегодня, как губка, впитываю в себя все, что имеет значение, мне становится уже как-то не по себе от объема информации в ячейках моей памяти. Мне хочется от многого освободиться, и написание книги – весьма подходящий для этого способ.

Впервые задумка о совместном произведении появилась у нас с Алексеем Зининым в далеком 1999. Мы сидели в его гостиничном номере в Англии и мечтали о будущем: кто что сделает и кто чего достигнет. «Когда-нибудь у тебя будет своя телевизионная передача, а я буду там экспертом», – предложил я. «Не вопрос! И еще мы с тобой напишем книгу о футболе. Футболе, увиденном глазами Егора Титова», – добавил он.

Минуло семь лет, и издательство «Городец» предложило мне приступить к созданию автобиографического труда. Я дал директору издательского дома Андрею Сидоренкову телефон Алексея Зинина, и спустя пару месяцев в VIP-ложе стадиона «Локомотив» за пять минут до дебюта Гуса Хиддинка на посту главного тренера сборной России мы подписали договор. Теперь вот сидим, пьем кефир, а диктофон старательно фиксирует услышанное.

Это очередной пример того, что мысли материальны. Многое, о чем я думал и мечтал, пускай и вскользь, по касательной, воплотилось в реальности.

Конечно, не все и не всегда было гладко. Никто из нас не ожидал, что эту книгу мы будем создавать так долго. Я, безусловно, и раньше подозревал, что со временем у меня напряженка, а тут вдруг выяснилось, что его у меня нет совсем. События не просто безостановочно сменяли друг друга – они, случалось, толпой вваливались в одну и ту же дверь. А если я дверь захлопывал перед их носом, они, как и полагается по закону подлости, вышибали ногами окно, и тогда все мои планы превращались в нереализованный пенальти.

Порой мы с Алексеем по десять раз на дню переписывались эсэмэсками, обговаривая время «выхода в эфир». Бывало, по телефону обсуждали какие-то главы для книги и в двенадцать часов ночи. Параллельно с созданием этого произведения я забил сотый мяч в своей карьере, в составе команды дважды завоевал серебряные медали, вернул себе статус лидера национальной команды и принял решение о завершении международной карьеры; получил и залечил несколько травм, съездил на метро на наш матч Лиги чемпионов, отказался от участия в проекте «Король ринга», во второй раз стал отцом и наконец-то, спустя пятилетие, вновь получил возможность играть в настоящий спартаковский футбол... а потом был отлучен не только от родного моему сердцу футбола, но и от самого «Спартака». Все это время я дышал полной грудью и все свои эмоции переносил в эту книгу. Вот они, на каждой странице прорываются наружу...

«Предматчевая установка» читателям

Вова Бесчастных предложил: «Пацаны, пошли споем!» Мы, человек семь, вскочили на сцену и, заглушая музыку, принялись демонстрировать мощь своих голосовых связок. Учитывая то, что большинству из нас в детстве не только медведь, но и слон с носорогом наступили на уши, пели мы кто в лес кто по дрова. Я тогда ловил себя на мысли, что мы очень похожи на расстроенную старую гитару. Но при всем при этом удовольствие получили незабываемое. Помню, покойный Миша Круг, король отечественного шансона и наш преданный болельщик, весь светился от радости и, как дирижер, размахивал рукой в такт мелодии. Это была фантастика!

Когда «объединенный хор спартаковцев» закончил свой неподражаемый номер, на сцену вновь поднялся Круг. Миша был очень растроган, он поднял налитый до краев бокал, взял микрофон и сказал: «Я хочу выпить за своего друга Егора Титова и сделать ему подарок». Все выпили. Миша снял с запястья массивный браслет и протянул мне. Браслет состоял из двухсот пятидесяти граммов чистейшего золота и был украшен двадцатью двумя бриллиантами. Стоил он больших денег. Я опешил: ну, не мог я принять такой подарок! Принялся отнекиваться. Но надо знать Михаила Круга, он выслушал меня и выпалил: «Если не возьмешь, нашей дружбе конец!» Деваться некуда. Взял я тот браслет, мы обнялись. Однако, приехав домой, я не находил себе места. Знал, что Мише тот браслет необычайно дорог.

На следующий день я позвонил другу: «Миш, я все понимаю. Я признателен тебе за подарок. Но я хочу вернуть его назад. Он тебе нужнее, чем мне».

Миша вновь был категоричен: «Ты думаешь, я был выпивши и себя не контролировал? Нет, Егор. Забудь о своих беспокойствах. Все хорошо. Пожалуйста, носи этот браслет в память обо мне»...

За каждой буквой, за каждой сухой цифрой в моей биографии скрываются вот такие истории. Мы, футболисты, живые люди, и жизнь наша до краев наполнена событиями. Порой кажется, еще капелька – и перельется через край. Иногда и впрямь оказываешься на краю, идешь по тонкой грани и всякий раз удивляешься тому, как сумел уцелеть. Сердце почти никогда не бывает спокойным. Оно готово разорваться то от счастья, то от горечи. Тот день, когда Миша подарил мне браслет, считаю одним из самых ярких в жизни. Тогда мы отмечали шестое подряд спартаковское чемпионство, и казалось, что «золото» 2001 года будет лишь очередным в длинном списке. Но оно стало нашим последним в той – великой романцевской – эпохе.

Я задаю вопросы и вместе с тем благодарю Всевышнего за то, что он насыщает каждый наш шаг особым смыслом и мы никогда наверняка не ведаем, каким этот шаг получится. Порой мы обольщаемся и думаем, что все с нами происходящее зависит от нас самих. Я и сам в это свято верил, пока с годами не понял: ведь есть еще и так называемые обстоятельства, которые способны вмиг переворачивать все с ног на голову и обратно.

Поэтому данная книга не обо мне. И даже не о тех цифрах и буквах, которые составляют мою биографию. Эта книга об «обстоятельствах», которые под завязку наполняют вселенную профессионального спорта. Я слишком часто сталкивался с различными испытаниями, извечал практически все уголки любимого футбольного мира, и тайн для меня уже давно не осталось. Я хочу, чтобы после прочтения моих откровений тайн не осталось и для вас, уважаемые читатели!

Эту книгу я назвал бы своего рода хрестоматией по освоению самой популярной игры на свете. Тешу себя иллюзией, что мой опыт кому-то пригодится и хотя бы некоторых убережет от повторения моих ошибок.

Разумеется, книга и о родном любимом «Спартаке». Когда мы только брались за этот труд, мне в первых же строках хотелось заявить, что вот здесь наконец я напишу правду о «красно-белых». Первым напишу! Без перекосов и спекуляций на наболевшие темы. Да осекся. Нет, не напишу я всей правды. Как никто и ни о чем всей правды не напишет. Слишком много субъективизма в каждом из нас, да и не всякий сор следует выносить из избы.

Поэтому в отношении «Спартака» написал я правду выборочную. Зато получилась она у меня живой и естественной, без «силиконовых грудей» и прочих чудес пластической хирургии. Приукрашивать ничего не стал, да и придумывать того, чего не было, – естественно, тоже. Здесь все вещи названы своими именами.

Эта книга посвящается моим родным и близким. Моим тренерам. Моим партнерам. Моим соперникам. Моим болельщикам. Разумеется, моим друзьям. И, конечно же, она посвящается памяти Михаила Круга. Тот его браслет, к слову, я носить так и не решился. Он хранится у меня в специальном месте. Когда на душе становится особенно тяжело, я надеваю его на руку, сажусь и думаю о Мише. О том, каким отчаянно настоящим был этот человек.

Я признателен Господу Богу за то, что он окружил меня хорошими, верными людьми. Без них я никогда бы не стал нынешним Егором Титовым.

P. S. Да, чуть не забыл предупредить вас вот о чем...

Как правило, все, что создается для публики, так или иначе выхолащивается. У нас будет иначе. Люблю естественность! Я, например, уже четверть века использую футбольные жаргонизмы. Такие слова, как «пихать», «паутина», «петрушка», для меня столь же очевидны, как «здравствуйте» и «до свидания». Если я уже тысячу лет называю своего близкого друга Диму Парфенова Парфешей, то не стану здесь переделывать его на Дмитрия Владимировича. Пусть все будет так, как есть. А для удобства, прежде чем взяться за чтение, ознакомьтесь с футбольным словарем (см. в конце книги). Ну и заодно с тем, как мы друг друга в футбольном мире называем. Меня, между прочим, по имени здесь окликают нечасто. Законы у нас такие...

Становление

Глава 1

Как заложить в себе нужные для спортсмена качества

Это было на отдыхе в Мексике. По-моему, в 2001 году. Я решил попробовать сыграть в абсолютно чуждый и незнакомый мне гольф. Взял в руки клюшку и с первой же попытки запустил мяч метров на триста. Мой приятель, который давно увлекался этим делом, отказался поверить, что я новичок. Он долго пытал меня: где тренировался, у кого учился? Вот тогда-то я окончательно понял, что кто-то там, на небесах, раскладывает пасьянс: этого пошлю туда, а этого направлю сюда, и тем самым играет в наших жизнях главную роль.

Я мог бы покорить ощутимые высоты во многих видах спорта, например, в баскетболе, волейболе, гандболе, хоккее, большом теннисе, пинг-понге, коньках, горных лыжах. Я все всегда схватывал на лету, и всегда мне не верили, когда я говорил, что прежде этим не занимался, – судя по всему Всевышний и родители щедро наградили меня спортивным талантом. К счастью, обстоятельства сложились таким образом, что меня привели именно в футбол и именно в «Спартак». И поскольку произошло это вопреки всякой логике и географическому принципу, то я волен утверждать, что это и есть судьба.

В экзотической Мексике я продолжал махать клюшкой для гольфа, а в голову упорно лезли воспоминания из раннего детства, и я все больше убеждался в том, что ничего просто так не случается. Я видел себя семилетним долговязым мальчишкой. Мой дядя, сын которого занимался в «Спартаке», в достаточно жесткой форме заявил моим родителям, что «Егорушку нужно срочно отдать в футбол». Не знаю, откуда у него появилось такое убеждение, но к тому моменту я ни разу по мячу не ударил и о том, что такое футбол, не имел ни малейшего представления.

К чести папы, мечтающего видеть во мне продолжателя семейных традиций, а попросту говоря, конькобежца, он спорить не стал и отвез меня в Сокольники. Набор к тому моменту был завершен, и меня «вне конкурса» отвели к наставнику мальчишек 1975 года рождения, но он со мной связываться не стал и отправил к тренеру моего возраста. Вы даже не представляете, какая это удача, что все получилось так, а не иначе!

Годы стерли из сознания, каким образом Анатолий Федосеевич Королев составлял обо мне свое первое впечатление. Помню лишь, как в вестибюле Сокольнического манежа, где сегодня красуются многочисленные призы, он подозвал нас с папой и сказал: «Тренировка завтра в пять. Быть без опозданий». Я не отдавал себе отчета в том, что это все означает, но мне было радостно от того, что меня приняли. Мы ехали домой, и я светился от счастья. Внутри зарождалось какое-то незнакомое доселе чувство азарта. Это чувство до сих пор полыхает во мне. Люблю играть во все подряд, люблю испытания, люблю ожидание неизвестности и миг приближения развязки, люблю – пожалуй, даже обожаю – процесс состязательности.

На следующий день я с трудом дотерпел до тренировки. Когда ступил на изумрудный ковер спартаковского манежа, когда увидел натянутую на ворота сетку, испытал непередаваемый восторг. Полагаю, я уже в ту самую минуту знал, что на планете Земля нет ничего лучше вот этого загадочного и какого-то неземного мира под названием «футбол». Тренер без лишних разговоров поделил нас на две команды, бросил мяч и скомандовал: «Играйте!» Фактически это было мое первое полноценное свидание с мячом, но всем казалось, что я родился с ним в обнимку. Там был еще один мальчик, который здорово обращался с кожа-

ной сферой. Вот с ним вдвоем мы и играли. Обводили по несколько человек и давали друг другу пасы...

Да, я «нырял» в тот судьбоносный день много раз и до своего мексиканского знакомства с гольфом, но никогда прежде не задумывался над тем, что всего этого могло и не быть. Миллионам людей, возможно, не менее одаренным, чем я, не довелось найти свое призвание. Уникальный божий дар так и остался запрятан в потаенные уголки их душ, так и не вырвавшись наружу.

Все это я пишу неспроста. Я, нисколько не умаляя роль ее высочества Фортуны, пытаюсь вывести своеобразную формулу успеха. И самое увесистое слагаемое этой формулы – родители. Далеко не каждый ребенок в семилетнем возрасте способен понять, что он хочет, а тем более что ему нужно. За него решение принимают папа с мамой. Они пытаются выявить вид деятельности, в котором их чадо способно себя проявить; определяют, какому наставнику его доверить; поддерживают ребенка в трудных ситуациях. Впоследствии часто на пути спорта встает учеба, и я по сей день признателен родителям за то, что они ради хороших оценок в дневнике не лишили меня самого главного – любимого дела.

Сегодня я сам отец. Когда моей дочери исполнилось пять лет, я отдал ее в большой теннис. Отдал с очень серьезными намерениями. Я хочу заложить в Ане то, что ей пригодится впоследствии. Поначалу приходилось ее заставлять тренироваться, но сейчас, когда она втянулась в занятия, я улавливаю в ней тот самый азарт, который непременно будет толкать ее вперед и сделает бойцом и в жизни, и в спорте.

* * *

Многие считают, что самое важное для спортсмена – талант. Я же уверен, что характер! Если у человека нет крепкого внутреннего стержня и он не умеет держать удар, никакой талант его не спасет. Если ты хочешь добиться чего-то серьезного, ты обязан обладать терпением! Вот уже почти четверть века я это качество в себе развиваю. В итоге – ни полноценного детства, ни полноценной юности. Долгие годы по-человечески отдохнуть не получалось. Когда дисквалификация на меня обрушилась, терпел уже по-другому поводу: дни до окончания срока считал. За трое суток до предстоящей игры опять терпишь – ничего, даже лишнего пирожного себе не позволяешь. Все дни рождения, все праздники проводишь на сборах. По семье тоскуешь – терпишь.

В матчах по ногам дубасят – места живого не осталось – снова терпишь.

Я вообще убежден, что для спортсмена ключевое слово: «надо». Если разок-другой смалодушничает, себе уступишь, рискуешь потом проиграть по-серьезному. Это я еще в раннем детстве усвоил. Тратить почти два часа в один конец – согласитесь, «забава» не из легких. Сколько раз меня одолевало желание поваляться в кровати, но я, пальцами разлепляя глаза, говорил себе это самое «надо» и вырывал себя из сладостных объятий сна. Теперь вот думаю, какой же я молодец, что просыпался в шесть часов сорок пять минут из года в год! В восемь часов сорок пять минут у меня была тренировка. Ничего в этой жизни просто так никому не дается. В детстве мы возводим фундамент, на котором будет строиться все наше будущее. Малейшие изъязны на ранней стадии формирования личности потом приводят к необратимым последствиям. Конечно, тогда я о таких высших материях не размышлял. Просто был одержим своей целью – хорошо играть в футбол – и дорожил этим.

* * *

Родители меня, кажется, лишь первую недельку на занятия повозили, а потом я добирался сам. Мать как-то призналась, что пару раз все-таки украдкой следила за мной, но на

том и закончились ее игры в шпионов. Я был ребенком ответственным и самостоятельным, так что поводов для беспокойства маме не давал.

...Итак, моя дорога. Дорога грез и мучений. От «Войковской» по зеленой ветке. В центре – пересадка. Уже давно, подчинившись веяниям постсоветского времени, канули в Лету названия станций: «Дзержинская», «Кировская», «Горьковская», но я помню их куда отчетливее, чем нынешние. Десять лет способны вбить в сознание что угодно. В Сокольниках выходил, шел на трамвайчик. Пять остановочек – и вот он, легендарный Майский просек. Там быстренько-быстренько через лесочек. Наверняка я и сегодня с закрытыми глазами пройду тем маршрутом. Из лесочка выбираешься – здравствуй, родной манеж. Федосеич у дверей уже поджидает. Здравствуемся, переодеваемся. Зеленый ковер, мяч – и мир наполняется сказочно яркими красками. Футбол приходилось делить только со школой, которая вклинивалась в промежуток между двумя тренировками. Мы учились не как все, а с десяти часов тридцати минут. В семнадцать часов было второе занятие у Королева. И тоже на пределе сил. После этого снова трясешься в пробках, в вагоне стоишь на одной ноге, тебя все толкают. От метро до дома уже ковыляешь – прикоснуться бы к подушке. На первых порах, когда все это завертелось, действительно вваливался в квартиру и падал на кровать чуть ли не в беспамятстве. Проваливался в сон, а утром – все по новой. Опять тебя будят, опять заставляешь себя вставать, привычно втискиваешься в тесную толпу и локтями прокладываешь себе дорогу к выходу.

С годами организм адаптировался, прежних нагрузок мне уже не хватало. И приезжая вечером домой, я бросал портфель и мчался во двор – гонять мяч. Резиновый! О кожаном тогда и не мечтал. Играл всегда только со старшими ребятами. Самоутверждаться в их обществе было нелегко, но постепенно они стали интересоваться, где занимаюсь. Мне было приятно. Когда я отвечал, что в «Спартаке», все удивлялись, потому что рядом базировались ЦСКА и «Динамо», да и «Торпедо» располагалось гораздо ближе. Жалеть меня никто не жалел, били как равного. Это уже когда мне лет двенадцать исполнилось, стали «беречь», как они сами говорили, для большого футбола. Те детские баталии мне многое дали: выработали характер, придали уверенности в себе, сформировали чувство собственного достоинства и научили справляться с эмоциями. В собственных глазах рос, когда здоровенным пацанам мячишко между ног просовывал. Все вокруг начинали «пострадавшего» травить: «О, позор-то какой, тебе салага в очко прокинул!» Я был на седьмом небе от счастья – гол столько радости не доставлял! В моем районе располагалось порядка шести коробок, и я всегда был в курсе, кто, где и когда играет. Ничего не пропускал!

Сейчас иногда ловлю себя на мысли, что хочется все бросить, сесть в машину и приехать в свой двор. Зайти в комнату, где жил, обойти все площадки, на которых бегал, постучаться в двери к людям, которым я мячом разбивал окна. Мы все родом из детства. Если забудешь, откуда ты пришел, то потеряешь систему координат, потеряешь самого себя. Считаю, своим прошлым нужно дорожить. Потому что ты состоишь из миллионов разных частей этого прошлого.

Самое любопытное, что я все же пару раз выбирался на «Войковскую» и никак не мог понять, что со мной в те минуты творилось. Смотрел и думал: двор какой-то маленький, как мы здесь в футбол-то гоняли? Горка крохотная, а в детстве съехать с нее считалось чуть ли не подвигом. Конечно, все похорошело. От «моего» осталось процентов двадцать, но от этого оно стало еще более дорого и значимо для меня.

Я никогда не считал себя сентиментальным человеком – нам, спортсменам, это не свойственно, но ностальгия в последние годы одолевает все чаще. Порой часами сижу и вспоминаю манеж, нашу бравую непобедимую команду и, конечно же, своего тренера.

Талантище от Бога!

* * *

В дебютный год, когда мы, семилетние мальчишки, только знакомились с футболом, Анатолий Федосеевич периодически проделывал такой фокус. Он пасовал пареньку мяч на средней высоте. Если тот останавливал круглый снаряд ногой, значит, все нормально – будет играть. А если ловил руками, то лучше не тратить время понапрасну Федосеич в таких случаях всегда кричал: «Какие руки? Это же футбол!» Повзрослев, я понял, что каждая мелочь у Королева была наполнена своим смыслом.

Тренер нередко говорил: «Я тебя знаю лучше, чем ты сам себя». Его обмануть было нереально. У него всегда наготове была коронная фраза: «То, что ты узнаешь завтра, я уже забыл вчера». Я все голову ломал над ее смыслом. Ну в чем ее логика? Лишь спустя годы мне открылось истинное значение этого выражения. Федосеич действительно знал все поступки, которые мы совершим. Он, как ангел-хранитель, каждого из нас вел верной дорогой. Когда я уже кое-чего добился в большом футболе, когда меня признали лучшим игроком страны. Федосеич как-то разоткровенничался и рассказал мне как на духу о своем отношении к «воспитаннику Титову».

Оказывается, он сразу же меня приметил. С самых первых дней разглядел во мне плееймейкера. И очень кропотливо и целенаправленно развивал во мне нужные для этой позиции качества. Поначалу Королев в схеме «четыре-три-три» вынужден был ставить меня центрфорвардом. Свое решение наставник мотивировал тем, что я был слабеньким, щуплым и выполнять большой объем работы в центре поля был не в состоянии. Меня так можно было только угробить. Поэтому тренер и сделал из меня нападающего. Я стабильно забивал по тридцать мячей за сезон, был вполне доволен собой и даже не подозревал о том, что по задумке тренера на самом деле исполняю не свои обязанности. И только когда я окреп, чуть поднабрал мышечной массы, Федосеич перевел меня на позицию под нападающими, а навыки, полученные на острие атаки, мне впоследствии оченьгодились.

Я-то, дурак, в детстве многого не понимал. Например, когда тренер брал меня, девятилетнего, за шкуру и тащил к заградительной сетке. У меня не получался удар, я подъемом бить не умел, мяч летел по какой-то странной резаной траектории, и для меня это было серьезной проблемой. До сих пор помню свои переживания по этому поводу. Федосеич терпеливо день за днем внушал мне, что я неправильно подхожу к мячу. В какой-то момент ему, видимо, надоело объяснять, вот он меня и притащил к этой сетке: стой и целый час бей. Я бью, мяч тут же обратно вылетает. Упражнение жутко нудное, пожалуй, даже издевательское, но весьма эффективное. Так несколько тренировок напролет я и колошматил, пока не научился бить как следует. Сегодня мой удар подъемом специалисты называют чуть ли не идеальным. Это Анатолию Королеву комплимент, а не мне!

Тренер постоянно меня отчитывал, ругал. Я обижался: ну почему он ко мне постоянно цепляется? И вот Федосеич, когда мне стукнуло двадцать два года, признался: «Если б я был к тебе безразличен, то забыл бы про тебя. А я тебе пихал, потому что видел, что тебе многое дано и что из тебя должен получиться толк!»

Сейчас поражаюсь: ну, как мы могли не осознавать, что Федосеич все делал нам во благо?! Мы его побаивались и между собой называли Королем. Зато сейчас хорошо понимаем, что тренер закладывал в нас не только спортивные, но и человеческие качества, и относился к нему с огромным уважением! Мы с Федосеичем общаемся до сих пор. Бывает, собираемся с ребятами и едем к нему. Нам есть что вспомнить и о чем поговорить. Ведь он дал нам путевку в жизнь.

Как-то раз, когда нам было лет по десять, тренер сообщил: «Через неделю будет ваша первая игра, готовьтесь». Я светился, как начищенный самовар, и всем рассказывал о том,

что скоро все у меня будет по-настоящему. С таким нетерпением ждал, когда пройдет эта неделя, будто бы предстоял финал Лиги чемпионов. Волновался так, что ночью накануне дебюта уснуть не смог: нервы были как натянутые струны. В детстве для спортсмена я отличался излишней впечатлительностью. Однако и с этой проблемой справиться помог Федосеич – он научил нас быть хладнокровными и никогда не терять головы.

Как это ни странно будет звучать, в те годы я жонглировал не очень хорошо. Максимум раз пятьдесят, а потом у меня появлялась боязнь, что мяч упадет. В итоге он у меня и падал. И сдача нормативов превращалась для меня в пытку. Худо-бедно я их сдавал, но после тестов меня всегда жутко трясло. И нам с Федосеичем пришлось изрядно поработать над моей психикой, чтобы я стал спокойнее относиться к тяжелым эмоциональным нагрузкам.

Тренер призывал нас держать себя в руках, он внушал нам, что надо быть всегда победителем, выигрывать в любом матче и в любом противостоянии. Никогда не кидаться в крайности. Конечно, ребенку понять это было почти невозможно. Но мы пытались, и вроде бы получилось.

Еще Королев делал из нас таких правильных людей, что мы даже одного мальчика ему «сдали». И сегодня, когда вспоминаю тот эпизод, мне немножко не по себе.

Федосеич нас учил: «Курить нельзя: или мяч, или сигареты». Нам было лет по двенадцать, когда у нас появился тот пацан. Считаю, у него были все данные, чтобы заиграть: и техничный, и головастый. Мы с ребятами случайно увидели у него сигареты в рюкзаке. Паренек-то не подозревал, что мы обнаружили его «Мальборо», – в туалете сидел. А мы не сговариваясь прямиком побежали к тренеру: «Анатолий Федосеевич, новенький курит!» Королев пришел в раздевалку: мальчик, до свидания, тебе здесь не место! Федосеич, наверное, поступил верно – он дал нам почувствовать, что подобного проступка не простит никому. Но... как-то жестоко, что мы лишили того пацана шанса, быть может, стать великим футболистом. Мне хотелось бы узнать, как сложилась его карьера, если она вообще хоть как-нибудь сложилась.

Единственной заповедью Королева, которую мы позволяли себе нарушить, была та, что касалась питья холодной воды из-под крана после тренировки! А нам так хотелось, что мы наперегонки летели в туалет. Картина презабавнейшая! Один кто-то присосется и пьет секунд сорок. Очередь-то как в деревне на колонке. Ребята потерпят-потерпят и начинают возмущаться. Чуть ли не силком отрывают наглеца от крана. А тот оботрет рукавом губы, чтобы они не были мокрыми, – и в коридор. А навстречу обязательно идет Федосеич, его-то не проведешь: «Пил?» – «Нет». – «Смотри в глаза!» В глазах тренер умел разглядывать даже самые потаенные наши секреты: «У, балбес, опять воды нажрался!»

Вот эта фраза для нас стала афоризмом, одним из тех, которые мы с друзьями используем и сегодня. И всякий раз при этом смеемся. Представляете, насколько человек масштабен, что и спустя десятилетия мы его цитируем!

* * *

В «Спартаке» растили не просто футболистов, но еще и клубных патриотов. Мы, мальчишки, знали и читали все традиции. ЦСКА и «Динамо» обыграть было делом чести. То есть мы обязаны были быть сильнее их при любом раскладе. В «Локомотиве» наши сверстники Евсеев с Шароновым выделялись. Евсеев (в мини-футболе стал видным вратарем), братья Антиповы (прославились в мини-футбольном ЦСКА). То есть очень серьезная бригада была, но «железнодорожников» всерьез никто не воспринимал. А вот к матчам с ЦСКА и «Динамо» всегда готовились заранее. Поболеть за нас приезжали многочисленные родственники: дядьки, тетьки, дедушки, бабушки. Аншлаг был гарантирован. Битвы начинались с младших возрастов, и по мере того как очередь доходила до старших, напряжение

возрастало до такой степени, что от волнения колени ходуном ходили. Игры превращались в месиво, стыки были жуткие – у людей на трибунах барабанные перепонки лопались.

Однажды ради того, чтобы сыграть с «Динамо», я та-а-акой фортель выкинул! У меня был жуткий грипп, температура сорок градусов. Несколько суток не вставал с кровати. Только отрывал голову от подушки, все расплывалось. Утром в день матча температура спала. Я втихаря на всякий случай взял форму и поехал ребят поддержать. Федосеич меня увидел, обрадовался: «Егор, неужто выздоровел?» – «Выздоровел!» – «Готов играть?» – «Готов!» – «Ну, иди переодевайся». Вышел на разминку, а меня качает. Никогда так плохо не было! Тем не менее все сложилось удачно. Вовка Джубанов забил, и мы выиграли со счетом один-ноль. Ради побед над принципиальными соперниками уже тогда никто никого не жалел. Если хочешь состояться как спортсмен, нужно уметь не бояться за себя, за свое здоровье. Нужно уметь преодолевать боль.

В детстве мы как-то баловались с пацанами во дворе и я зачем-то попытался забросить кирпич на крышу сарая. Подбросил его, а он мне на нос и упал. Сколько крови было, воплей, слез! Так вот какое-то время спустя мне засадили мячом в лицо со страшной силой, и мне тогда показалось, будто бы тот самый «гаражный» кирпич вновь упал на нос. После этого у меня где-то на пару месяцев даже развился комплекс: я очень опасался за свое лицо. Даже руками его прикрывал, когда возникали ситуации, при которых «круглый снаряд» мог вновь меня травмировать. Если бы я тогда себя не переборол, то точно не состоялся бы в спорте. Страх не позволил бы мне расти, я так бы и засиделся в защитном панцире.

Я уже давно ничего не боюсь на поле. Ну, будет больно – потерплю. В августе 2006 лежал дома после операции на лицевой кости. У меня болело абсолютно все, было так мерзко, что чуть ли на стену не лез. Но я был спокоен: думал, продержусь сутки, а потом полегчает. То есть любую физическую боль я сегодня встречаю с раскрытыми глазами. Прыгнули в тебя – помучился чуток, стиснул зубы, встал, отряхнулся, побежал.

Рецепта по поводу того, как научиться не обращать внимания на боль, нет. Здесь все индивидуально. Для начала, наверное, надо получать больше шишек, чтоб тебе в игре доставалось почаще. Тогда к этому привыкнешь. Да и организм научится подстраиваться под удары. И важно еще не верить утверждениям, что к боли нельзя привыкнуть. Уверяю вас, можно. Главное – иметь для этого стимул.

* * *

Мотивация – это еще одна важная составляющая успеха, которая должна сидеть в человеке постоянно. Утратил ее хоть ненадолго – наверняка многое упустишь. У меня с мотивацией никогда проблем не возникало.

Помимо большой цели у меня всегда были мечты. Пускай крохотные, но очень красочные. Например, в детстве я смотрел на старших спартаковских ребят и грезил тем, чтобы доиграть до того дня, когда нам тоже выдадут форму.

Получив свою первую примитивную майку, чуть не задохнулся от восторга. Она давалась на весь сезон. На белой материи через трафарет краской наносили номер, пришивали ромбик. После игр мама форму стирала, наглаживала и убирала в шкафчик! Мне казалось, что в точно таких же футболках выступали Ильин. Нетто. Симонян. Это сейчас все по-другому. Недавно посмотрел, как мальчишки по улице носятся. Все разодеты с иголочки: кто Шевченко, кто Роналдинью, кто дель Пьеро. Мы такое и представить были не в состоянии. Только в 1991 году нам майки дали, более или менее на настоящие похожие. Наглядеться на себя не мог, так приятно было!

Однажды на старте моего футбольного пути отец сводил меня на фильм о Пеле. Это было такое сильное впечатление! Даже не впечатление, а настоящее потрясение! Я безумно,

до зуда в печенках хотел быть как Пеле. Я все думал: а чем я хуже? Он в футбол играл, и я тоже играю. И я верил, что смогу стать такой же звездой, как легендарный бразилец. А затем... затем, когда мне было лет десять, я живьем увидел Черенкова. Пеле ретировался на задний план. Я понял, что хочу играть, как Федор. Я чувствовал, что он не просто кумир, а, помимо всего прочего, близкий мне по духу человек. Федор затмил всех. Все разговоры были только о нем. Я ложился и вставал с его именем. Когда спустя годы я вышел вместе с ним на поле, то осознал, что это, наверное, и была главная мечта моей жизни.

Теперь вам не составит труда догадаться, почему я всегда выступал под десятым номером. «Девятка» закрепилась за мной лишь в 1996 году – досталась в наследство от Пятницкого. Но мне тогда было все равно, лишь бы играть. Я не задумывался, что когда-нибудь спартаковский «девятый номер» и «Титов» будут восприниматься болельщиками как одно целое. Почти как «десятка» и Черенков.

Возвращаясь к разговору о мотивации, скажу, что для мальчишки на определенном этапе необходимо наличие кумира. Глядя на него, ты получаешь огромный импульс для дальнейших тренировок. Желание быть таким, как твой любимец, толкает тебя вперед и позволяет легче преодолевать все невзгоды. Ну и к тому же у кумира можно подмечать и пытаться перенимать какие-то приемы. Впрочем, вот в этом мне немножко не повезло, так как что-то перенять у Черенкова было нереально. Его легкая манера бега, эти финты необъяснимые – они от Бога. Единственное, что хотя бы частично мне удалось у Федора Федоровича позаимствовать, – игру «со своей скоростью». Вот он бежит, потом раз – прибавит, потом еще прибавит, потом резко притормозит. Сопернику под него подстроиться было катастрофически сложно.

Убежден, ни один футболист в мире не умеет так рвать темп и делать это так пластично, как умел Черенков. С этим надо родиться. У Федора были золотые ноги, но он играл не ногами, а головой. Мыслью! И сегодня, когда в своих действиях я иногда улавливаю нечто черенковское, испытываю чувство гордости. Жаль, что бывает это крайне редко.

Впрочем, нужно быть предельно аккуратным в подражании своему идолу. Важно в нем не раствориться. И родители, если видят, что их ребенок излишне увлекся созданием «культ личности», должны объяснить своему чаду, что каждый человек ценен прежде всего наличием своего «я». У меня, к счастью, все прошло органично. Может быть, я просто быстро понял, что таким, как Черенков, никогда не стану. Может быть, мое «я» было столь большим, что пересилило даже любовь к Федору. Но я рано обрел свой собственный стиль. И уже в те далекие детские годы специалисты давали «футболисту Титову» очень лестные характеристики.

* * *

Сколько себя помню, я всегда был одержим спортом. Со сводным братом мы даже играли дома в хоккей. Вешали занавеску на столик. Брали клизму, обрезали ее, и получался мячик. Передвигаясь на коленях, тапочками гоняли эту клизму-мячик-шайбу по комнате. Когда кто-то из нас забивал гол, занавеска трепыхалась точно так же, как сетка на воротах. Непередаваемое ощущение! Всякий раз минут через пятнадцать после начала баталий соседи принимались стучать по батарее. Но сразу отказаться от удовольствия было непросто. И если мы продлевали его себе на пару минут, то снизу поднимался дедушка лет шестидесяти пяти – семидесяти и злобным голосом приказывал: «Заканчивайте!» И для меня это было проблемой.

Оставаясь один, я часто играл в «квартирный футбол». Делал это тихо, зато свои действия непременно комментировал и считал себя вторым Перетуриным. За компанию еще был и тренером, и соперником, и болельщиками противоборствующих команд. Един в пяти

лицах. Разыгрывал целые турниры. Вел статистику, результаты записывал в таблицы. Названия команд брал из газет. В общем, сам того не осознавая, я создавал себе в детстве тот самый мир, в котором мне предстояло вариться по достижении совершеннолетнего возраста. Я в очередной раз хочу поблагодарить своих родителей за то, что это мое детское «баловство» они не считали пустой тратой времени. Вот сегодня смотрю на свою старшую дочку: она часто играет сама с собой, чего-то строит, придумывает, разговаривает. То есть на первый взгляд ничем полезным не занимается. Бывает, подмывает ей сказать: «Аня, почитай! Аня, наведи порядок!» – да осекаюсь. Вдруг дочка в этот момент «вытаскивает» из себя свое жизненное предназначение, создает себе предпосылки на будущее?

Я, например, с детства привыкал бороться за очки и за турнирное положение. Сидя в своей комнате на подоконнике, изобретал всякие игры, в которых дух состязательности стоял во главе угла. Придумал свой баскетбол: бросал кубик вначале за одну команду, затем за другую. Очки записывал. Определял победителя. Потом суммировал показатели того или иного клуба и награждал чемпиона.

В школе в тетрадках я постоянно рисовал футболистиков. Все виды ударов отображал поэтапно. Расчерчивал разные комбинации. То есть спорт сидел во мне так глубоко, что затмевал абсолютно все. Кстати, некоторые мои иллюстрации из тех школьных тетрадок до сих пор иногда воплощаются в реальности, в матчах за «Спартак»...

Глава 2

Как в период переходного возраста не отбиться от футбола

В последние годы журналисты мне часто задавали вопросы о том, мог ли я когда-нибудь от футбола «отвалиться». Я, как правило, отвечал, что это было исключено. Что все у меня протекало гладко. Что с ранних лет я без каких-либо осложнений двигался вперед, к основному составу «Спартак». Что я с легкостью перескакивал с одной ступеньки на другую, с каждым годом все больше обретая уверенность в неминувости достижения своей цели. И говоря все это в прессе, я был совершенно искренен. Сейчас же, путешествуя в своем прошлом с особым пристрастием, нахожу там очень неоднозначные моменты. По крайней мере в детско-юношеском футболе мне встретилось, впрочем, как и всем, порядка пяти серьезных препятствий. Тогда я не придавал им значения, но сегодня понимаю, что некоторые из них преодолеть было совсем нелегко. Слава богу, мне удалось, однако многие забрели «не в ту степь».

Препятствие первое – это психологический надлом родителей. У ребенка пока не вырвалось наружу его «я». Он по накатанной ездит на тренировки. И наверное, дышит футболом. Но в условиях жесткой конкуренции не всегда попадает в состав и даже в заявку на матч. Он просто физически развивается медленнее остальных. Чтобы сделать хоть какой-то вывод, следует чуть-чуть подождать. Родители ждать не хотят: «Тренер плохой. Он моего сынульку не ставит, переходим в другую команду». Однако в таком возрасте переход в уже сложившийся коллектив, где надо будет утверждаться не только на поле, но и за его пределами, может только навредить пацану.

Отрадно, что у меня и намек на такую проблему не было. Я играл регулярно, был одним из лидеров, решения в подобных вопросах уже принимал сам, а мама с папой, быстро догадавшись, что их сыну уготовано блестящее будущее, настолько «заболели» футболом, что не пропускали ни одного нашего матча. Внушали мне необходимость профессионально относиться к своему делу. В школе моего почерка не знали – мама писала за меня рефераты, чтобы не отнимать у спорта время.

Активное участие родителей в формировании Егора Титова – футболиста не ограничивалось никакими рамками. Например, отец на работу ездил на машине, и пока наша «шестерка» прогревалась, я в те дни, когда в «Спартаке» не было утренней тренировки, вынужден был наматывать круги на площадке перед домом, вокруг рычащего транспортного средства. Как же мне было стыдно! Я с замиранием сердца озирался по сторонам, боясь увидеть своих друзей или знакомых. Согласитесь же, ненормально, что здоровый парень, а лет в двенадцать-четырнадцать уже хочется ощущать себя взрослым и самостоятельным, занимается зарядкой на глазах всего дома. Я старался пониже надвинуть шапку или запрятаться в капюшон. Но самое жуткое начиналось после того, как заканчивался бег. Я становился в паре метрах от «шестерки» и делал гимнастику и упражнения на растяжку. Цирк да и только! Сейчас осознаю: правильно, что отец заставлял меня всем этим заниматься. Я был лишен соблазна понежиться в кровати, поспать подольше. Привычка жить по режиму не страдала. Кстати, слово «режим» имеет необычайно широкое значение. Например, спортсмен в сутки должен спать согласно законам физиологии не менее восьми часов. И вот за этой составляющей старательно следила мама.

Лет в четырнадцать-пятнадцать в нашей компании появились девочки, а девочки были по-хорошему шепутные. Как-то они говорят: «Ребята, давайте завтра на рассвете побежим в лес!» Мне эта идея чертовски понравилась. Я дома никому ничего не сказал, с вечера

подготовил одежду, всю ночь спал чутко, боялся не услышать, как меня будут звать. Мы жили на втором этаже, спал я всегда с открытой форточкой, и ребята должны были крикнуть, чтобы я спускался. В назначенный час я услышал: «Его-о-ор!» – быстро вскочил, бесшумно оделся, аккуратно закрыл дверь и, счастливый тем, что никого не разбудил, выбежал на улицу. Настроение было фантастическое, мы, весело разговаривая, направились в сторону леса, и вдруг за спиной я услышал строгий мамин голос: «Егор! В чем дело, ты куда?!» Мама всех отругала: «Ишь что удумали! Ни свет ни заря!» Отчитала прилюдно меня: «Спортсмен, ты еще спать должен, а не с девчонками бегать». Я краснел и бледнел, бледнел и снова краснел. Голову опустил и побрел назад домой. Сейчас представляю ту картину и смеюсь над собой: я был похож на обиженного зверенка из детского мультлика. Приковылял, опять лег в кровать и никак не мог успокоиться: дико был зол на маму, я не понимал, как так можно было меня унизить. Теперь я маму понимаю. Раз сын выбрал спорт, значит, всяким баловством надо было пожертвовать. Если идти к цели, то идти по прямой, а не петлять по кустам. Иначе собьешься с пути.

* * *

Препятствие второе – это период, когда парень обретает какое-то подобие самостоятельности. То есть он уже волен сам принимать определенные решения. Потребность быть взрослым заставляет задать вопрос: зачем я занимаюсь тем-то и тем-то? Если люди не находят ответ, то потихонечку отдаляются от своего увлечения и меняют его на что-то другое.

Я пытался приводить на тренировки способных ребят, своих друзей и приятелей с «Войковской». Больше недели никто не выдерживал – нагрузки большие, ездить далеко и, самое ужасное, мотивация не проглядывалась. Никто из них не верил, что это реально – добраться до большого футбола. Зачем же себя насиловать понапрасну? Ради чего лишаться всех детских прелестей: сна, кино, компаний, элементарного дуракаваляния? У меня же насчет своего будущего сомнений не было. Нет, я не знал, что стану игроком сборной страны, но меня не посещали пессимистические мысли о том, что «не стану». Я развил в себе такую инерцию в постижении любимого вида спорта, что и это, второе по счету препятствие, перемахнул не моргнув глазом. Более того, по мере того как я все глубже окунался в настоящий футбольный мир, по мере того как у меня появлялась возможность наблюдать за тренировками основного состава, посещать настоящие матчи, тяга моя к профессиональному спорту только усиливалась.

Я даже заделался фанатом. Ходил в «Лужники» на все поединки «красно-белых» и неистово за них болел. В 1989 году, когда Валерий Шмаров забил золотой гол киевскому «Динамо», я буквально опьянел от счастья. Потом часто представлял, как тоже когда-нибудь выйду против киевлян и забью им победный гол на глазах переполненного стадиона. И когда Советский Союз развалился, а самый принципиальный соперник оказался в другом первенстве, это для меня стало огромным разочарованием. Одна моя мечта рисковала никогда не сбыться. Тем не менее я сумел-таки испытать эмоции своих грез. Так сказать, комплексно. Решающих голов в своей карьере я наколотил достаточно. В том числе и киевлянам в финале Кубка Содружества 1998 года. Тогда, кстати, меня, плеймейкера, почему-то признали лучшим нападающим турнира, предпочтя Андрюхе Шевченко и Сереге Реброву. И при переполненных «Лужниках» я тоже играл не раз. Например, со сборной Украины в 1999 году. То есть я прекрасно знаю, каково это – выходить на матч «жизни и смерти», когда из-за рева трибуны ты не слышишь собственного голоса, а сердце колотится с таким остервенением, что того гляди выпрыгнет наружу. В подобные мгновения особенного эмоционального напряжения я часто вспоминал себя тринадцатилетним мальчишкой, сидящим на трибуне в спартаковском

шарфе и молящимся, чтобы мяч после удара Шмарова вонзился в сетку ворот Панова. Я бы многое отдал, чтобы пережить тот эпизод еще раз.

«Золотой» Валера Шмаров навсегда стал для меня авторитетом. Да и не только он. Я изучил всех игроков настолько, что по шагам в коридоре Сокольнического манежа, по голосу определял, кто из них идет. Иметь возможность прикоснуться к тем, кем ты восхищаешься, – это все-таки очень существенный фактор для твоего развития.

* * *

Препятствие третье – это когда обнаруживаешь, что есть такие вещи, как сигареты, пиво и шумные компании. Хочется все это попробовать. Нам еще повезло – когда футбольный фанатизм в нас зарождался, других соблазнов почти не было. Это Димке Торбинскому. Лешке Ребко – в общем, всем тем, кто лет десять спустя продирался по нашим тропам, выпала куда более тяжелая доля: компьютеры, клубы, рестораны, концерты. Попробуй-ка на все это изобилие не отвлекись! Единственное, что я себе позволял, так это на накопленный рубль в компании Головского с Джубановым от души оторваться на игровых автоматах (это были безобидные игровые автоматы, не такие, как сейчас). И то те часы я выкраивал не из футбола, а из учебы. Если б школу не прогуливал, вообще в моей жизни никаких развлечений не было бы. Тренировки, тренировки и еще раз тренировки!

И все же как-то незаметно во мне стали появляться не очень-то приятные штришки. Я стал чувствовать себя звездой. Мне хотелось выделяться. До пятнадцати лет я даже играл в разных кедах. Или в одном кед и одной кроссовке. Таким модником себя ощущал, просто ужас! Еще я обзавелся фиолетовыми подштанниками. Всю Москву объездил, пока купил. И вот представьте зрелище: долговязый парень в разных штиблетах, в каких-то непонятных фиолетовых велосипедках, в выпущенной наружу футболке. Ну, натуральный «клоун», а я тогда считал себя стильным-престижным. В четырнадцать-шестнадцать лет человеку явно не хватает адекватности восприятия себя и окружающей действительности.

Столько ребят восторгались своим талантом, думали, что стать великими им предначертано Богом. Таланта-то многим действительно было не занимать, но без серьезного отношения, без титанического труда ничего не добьешься. Как говорил Федосеич, люди стали обманывать футбол. А футбол не обманешь, каким бы гением ты ни был! Судьбы некоторых из тех, кто большие надежды подавал, трагично сложились – сейчас на улице бомжуют, никому не нужны.

Я ведь тоже в какой-то период, лет в тринадцать-четырнадцать, стал портиться, даже курить пробовал. Сейчас уже не скажу, как долго все это безобразие продолжалось. Главное – что я вовремя заметил, как некоторые вокруг стали ломаться и сходить с дистанции. Задумался: а я-то удержусь, не сверну в сторону? «Нет. – ответил сам себе. – не сверну!» К тому же я осознавал, что в случае чего Федосеич мне голову открутит.

Королев действительно нас держал в ежовых рукавицах. Мы его настолько боялись, что в тот день, когда он устраивал нам проверку школьных дневников, команда была парализована. Люди какие только чудеса не вытворяли: стирали оценки, заклеивали страницы, выдумывали разные фантастические истории, только бы не попасть под раздачу. Накануне вечером я «учил» свой дневник наизусть и, когда трясущимися руками протягивал тренеру, от страха зажмурился. По шуршанию страниц определял, отыскал Федосеич очередную мою двойку или нет. Когда он спрашивал: «Это за что?» – сердце упрыгивало в пятки.

Да уж, много мы у тренера кровушки попили. Откуда он нас только не вытаскивал! Случалось, и по ушам давал. Я ему благодарен за все. Совместными усилиями удалось уберечь меня от глупостей. Я прибавлял в мастерстве и приближался к следующему испытанию – одному из самых значимых в карьере каждого игрока.

* * *

Препятствие четвертое – окончание школы и переход в дубль. Любой пацан, если он продержался до выпуска в «новую жизнь», как манны небесной ждет, что его заметят. Потому что наступает час икс, когда уже нужно определяться с профессией. Если тебя не возьмут в дубль – считай, все. Закончил. Мне кажется, в этом нет никакой трагедии. Андрей Тихонов в свои семнадцать лет вообще о футболе не помышлял и готовился к службе в армии, а потом все-таки стал одним из лучших полузащитников страны. То есть отчаиваться ни при каком раскладе не стоит. Однако подавляющее большинство ребят, если им не поступает приглашение, ставят на своей карьере жирный крест. У меня же была сложность несколько иного рода. В 1991 году на матч нашего 1976 года рождения приехал весь тренерский штаб основного «Спартака» с Романцевым во главе. То ли этот факт меня вдохновил, то ли просто ЦСКА я так не любил, но тогда я сделал покер. Голы получились будто специально для гурманов, а последний, особо красивый, я забил, обыграв пятерых соперников и издевательски закатив мяч мимо вратаря. Федосеич в разговоре с Олегом Ивановичем заявил, что Титов способен на большее. Неудивительно, что Иваныч загорелся и распорядился перевести талантливого мальчишку в дубль.

Самое поразительное, что Королев послушался и не отдал меня! Он боялся, что, попав под влияние взрослых мужиков, я начну морально разлагаться, да и сам я еще не чувствовал своих истинных возможностей и в случае неудачи крупно рисковал получить психологическую травму. То есть суть проблемы заключалась в том, чтобы не просто перебраться на следующий уровень развития, а сделать это вовремя и гармонично. Конечно, здорово получилось, что потом с королевского выпуска в дубль взяли двенадцать человек. Только вот последнее, пятое испытание из нас сумели преодолеть единицы.

* * *

Препятствие пятое – самое страшное и изощренное: не засидеться в резерве и перебраться в основу. В какой-то момент перед тобой возникает дилемма: ждать или уходить. Передо мной ее тоже пытались поставить, и я, наблюдая за теми, кто играл в центре спартаковской полузащиты, в горькие минуты даже размышлял о смене команды. Ледахов, Пятницкий, Цымбаларь, Аленичев, Кечинов... Ну, и на что тут можно было надеяться? Впрочем, ни при каком раскладе не ушел бы – «Спартак» значил для меня слишком много. Но когда ты не видишь ближайшей перспективы, а в руках у тебя внезапно появляются неплохие деньги, то возникает соблазн иначе расставить акценты. Вот я и попытался расставить. Понятия профессионального отношения к делу у меня тогда вообще не существовало.

Положа руку на сердце, с точки зрения получения эмоций это был веселый период. На базе я тогда еще жил на втором этаже. Наш номер состоял из двух комнат: в одной обитали мы с Валеркой Чижевским, в другой – Костя Веселовский и Мишка Бесчастных. Так мы до трех-четырех утра резались в карты. Была такая чудесная игра: «Обмани соседа». Порой до скандалов дело доходило, настолько никто не хотел уступать. Процесс захватывал безумно. Пару раз случалось, что мы вообще спать не ложились. Но гораздо хуже было то, что каждое утро на базе у нас с Чижом начиналось с вояжа в туалет. Мы садились там и курили. И так нам было классно! Сейчас думаю: кошмар! А тогда все это считалось круто: сидишь-дымишь, общаешься. Подобный ритуал мы проделывали после завтрака, обеда и ужина. Затем стали курить по тройкам. В ту пору в спартаковском дубле сигареты были повальным увлечением. Плюс примеры старших тоже сказывались. Это сейчас все иначе. Все профи, никто не курит, люди думают только о своем здоровье. Сегодня диаметрально противоположные тенденции.

А тогдашняя мода многих сгубила. Я знаком лишь с одним человеком, на ком тесный контакт с табаком никак не сказался. Это Валерка Карпин. Но Карп – он вообще уникальный. Абсолютно во всем. Уверен, что у меня сигареты отняли бы как минимум процентов двадцать моих физических ресурсов.

Слава богу, передо мной в самый кульминационный момент приоткрылась дверка в основной состав. В мою жизнь вошли Черенков, Родионов, Онопко. И если бы в такой ситуации я не взялся за ум, я бы себе этого никогда не простил.

Увы, очень многие ребята так и не сделали этого последнего шага к своему футбольному счастью. Не видя перспективы, они меняли команду. Соглашались на вторую или первую лигу, уезжали в Тюмень, Нижний Новгород, Новотроицк. Оттуда уже не вырвешься. В итоге – убитые надежды и разбитые вдребезги мечты. Как контрольный выстрел в голову – осознание того, что пять лет ежедневного кропотливого труда были потрачены напрасно. Это трагедия! Нет ничего хуже разочаровавшегося спортсмена. Кто-то с горя запил, кто-то подсел на наркотики, кто-то попал в криминальные структуры и загремел в тюрьму. Если бы не та закалка, которую мы получили у Федосеича, и наш выпуск мог разделить подобную участь...

Глава 3

Как поверить в себя и свои возможности

В раннем детстве мне хотелось вырасти космонавтом или милиционером. Прельщала меня такая настоящая мужская работа, но эти мечты не были глобальными. Удивительно другое – что, тренируясь в «Спартаке», видя живьем величайших игроков, я не сразу задумался о карьере футболиста. Долгое время просто получал удовольствие оттого, чем занимался на поле, вот и все. Да, мне хотелось достичь вершин мастерства, и я всячески к этому стремился, но не примерял себя к большому спорту. И вот однажды, было мне лет тринадцать, возвращался я домой после очередного успешного матча и вдруг осознал: я настолько привык к вкусу побед, что отказаться от этого лакомства уже не смогу! Тогда-то и возникли мысли о том, что футбол может стать моей профессией.

Мы, питомцы Королева, еще будучи десятилетними, обыгрывали пацанов на два года старше себя. То есть очень рано узнали себе цену! А потом сезон за сезоном, в общей сложности раз четырнадцать, включая зимние первенства, мы становились чемпионами Москвы. То есть поводов для сомнений в собственных способностях как таковых у меня никогда не было. И это, безусловно, оказало сильное влияние на все мое будущее. Впрочем, создавать легенду о том, что я помазанник Божий и у меня все шло как по маслу, тоже не собираюсь. Случались в моей юношеской биографии, правда в основном за пределами поля, и неприятные эпизоды – такие, после которых легко было «потеряться».

Поначалу со сборной у меня роман складывался не лучшим образом. Я ждал приглашения, а оно не спешило поступать. И вот лет в четырнадцать меня наконец-то вызвали в юношескую сборную СССР. Событие небывалой значимости! Увы, надежды быстро превратились в разбитые иллюзии. Тогда было принято считать не матчи, а сборы. Там были ребята, которые уже сборов по десять провели, а у меня набралось только два. Главным тренером являлся волейболист Кузнецов. И он меня от команды «отцепил», сказал, что я плохой футболист и ничего из меня не получится. Я ужасно переживал. В первый и, к счастью, в последний раз мелькнуло подозрение: неужели я никуда не годюсь?! Федосеич отреагировал на происходящее достаточно жестко: «Нельзя обращать внимание на всякую чушь! Это хорошо, что он тебя отцепил, а то угробил бы на фиг!»

Тем не менее после того эпизода я принялся сравнивать себя со сверстниками. В «Спартаке», ЦСКА и «Динамо» были весьма приличные и, полагаю, примерно равные составы. И то, что такое огромное количество парней («Динамо» и ЦСКА почти все поголовно) впоследствии растворились в неизвестности, для меня стало настоящим шоком. А тогда я видел, что футболист Титов – равный среди ведущих. Несколько человек откровенно выглядели попроще меня. И понимание того, что я обязательно должен прибавить, дало мне ощутимый импульс для роста. Во мне как-то внезапно поселился кураж – тот самый, который помогает сворачивать горы.

Уже немного погодя на мини-футбольном турнире в Германии меня признали лучшим и вручили мне мои первые двести марок. Что я в тех встречах вытворял! Один волтузил по пять человек соперников. Гол забил сумасшедший: обыграл всю команду, уложил вратаря и пижонски перебросил через него мяч. Весь зал вскочил и стоя аплодировал минут пять. А я думал: ну и что я такого сделал? Подумаешь!

Как бы то ни было, та поездка на немецкую землю еще добавила мне уверенности, запаса которой хватило для того, чтобы добраться до основной обоймы «Спартака». Там в психологическом плане я немного засбоил, а потом получил новый судьбоносный заряд.

Это был март 1996 года. Стартовал один из самых феерических сезонов в моей карьере. Мы, зеленые пацаны, заявляли о себе во взрослом футболе, убивались за каждое очко. Геор-

гий Александрович Ярцев жил эмоциями и периодически представлялся нам разбушевавшимся Везувием. Такое не забудешь! Так вот, за пару дней до матча Лиги чемпионов с «Нантом» у меня защемило какой-то межреберный нерв. Видимо, постарался Юрка Дроздов, который накануне в битве с «Локо» меня безостановочно дубасил. Защемленный нерв оказался настолько «вредным», что я даже не был способен шевелиться. Малейшее движение сопровождалось стреляющей болью. Я пытался бегать, показывая всем своим видом, что все нормально, но страдальческое выражение моего лица меня выдавало. Врач команды Юрий Сергеевич Васильков мне признался: «Ярцев велел делать что угодно, лишь бы ты вышел на поле!» Чего мы только ни пробовали: и уколы, и массаж, и компрессы – все бесполезно. Сыграли без меня: два-два. Вели два-ноль и не удержали победу. После матча я, расстроенный, спустился в раздевалку, вскоре туда влетел Георгий Саныч. Шапку бросил, по ведру со льдом ногой – раз, по мячам бабах – два, все разлетелось. И тут меня увидел, скромно сидящего в сторонке. И как начал мне пихать при всех: «А ты что?! Заболело у него! Болит у него!» Он рассчитывал на меня, а я не смог. Хотя было мне тогда всего-то девятнадцать лет. Васильков тихонько меня в душ отвел: «Спрячься, пусть Жора отойдет!» Стою в душе и думаю: «При чем здесь я, я же на поле не выходил?!»

С одной стороны, обидно, с другой – так и надо. Мы ощутили, что нам доверяют. И вот такая вера Ярцева в меня – она многое мне дала. Я понял, что если главный тренер «Спартак» не мыслит свою команду без Титова, значит, этот Титов и впрямь сильный полузащитник.

* * *

Куда б ни вела твоей жизни дорога И как ни сложилась судьба, Ты можешь не верить ни в черта, ни в Бога. Но верить обязан в себя.

В общем-то обычные строки. Зато сколько в них глубины. Я христианин и верю в Бога, а следовательно, и в роль обстоятельств. Я убедился, что, как правило, они сильнее человека. Однако по-прежнему заставляю себя думать, что все происходящее со мной зависит только от меня. Эта заповедь очень помогает мне в жизни. Я никогда ни на кого не перекладываю ответственность, не прикрываюсь такими, безусловно, существенными понятиями, как «повезло – не повезло». Я не смогу дать определение фортуны, но абсолютно точно знаю, что она капитально зависит от внутреннего состояния личности. В противостоянии двух равных по своим возможностям оппонентов она неизменно поворачивается лицом к тому, кто внутренне хотя бы на один процент увереннее в себе. Причем не вообще, а в данный конкретный момент.

Весной 2000 года мы с Андреем Тихоновым сообща не реализовали три одиннадцатиметровых подряд, и вот под занавес важнейшего матча с ЦСКА мы вновь заработали право на пенальти. Ненавижу удары с точки, но тогда именно мне предстояло подойти к мячу. У меня был такой настрой, настолько меня переполняло чувство злобы на соперника и на те неприятности, которые на нас свалились, что я не сомневался: забью с закрытыми глазами, и ни один вратарь в мире не сможет мне в этом помешать! Даже если бы мне дали квадратный мяч, даже если бы ворота уменьшили в два раза, даже если бы на поле вышел взвод солдат и принялся стучать в барабаны, я все равно бы принес нам победу. Я слабо осознавал, что делаю, как разбегаюсь, я не пытался перехитрить голкипера, пробил не думая. Получилось очень коряво. Кутепов имел огромные шансы выручить свою команду, он даже коснулся мяча, но тот все равно оказался в сетке. Я же, ударив, сразу побежал к угловому флажку радоваться трем завоеванным очкам, даже не допуская мысли о том, что гола не будет.

И все же самый мощный прилив уверенности я ощутил в себе в 2006 году накануне выездного матча с «Ростовом», в котором забил свой сотый гол в карьере, а «Спартак» заво-

евал «серебро». К той встрече я двенадцать поединков кряду не мог послать мяч в сетку. Никогда у меня такого не было. Признаться, я уже стал напрягаться по этому поводу, да и разговоры вокруг о том, когда же я перешагну гроссмейстерский голевой рубеж, мне порядком надоели. К тому же в тот год мы провели уже столько игр, что эмоций никаких не осталось. Ни у меня, ни у команды. И еще я слышал, что наши конкуренты простимулировали «Ростов». Вдобавок был травмирован Войцех Ковалевски, а у Димки Хомича опыта никакого. В общем, все расклады были против нас. Но я такой человек, что загнанным в угол чувствую себя прекрасно. Мой организм до предела мобилизуется, во мне пробуждается легкость, мне кажется, что я на все способен. Помню, Федотов в раздевалке за сорок минут до стартового свистка в свойственной ему манере напряженно ходил взад-вперед. Я его приобнял: «Григорьич, расслабься! Я забью парочку, и мы победим! Ручаюсь». В тот день, играя, я казался себе ясновидящим. Был убежден, что один ведаю, как оно все сложится. Я как бы парил над всей суетой, над всем тем, что творилось на поле. И оба своих гола воспринял как должное, как восход солнца, например. Более того, сделав дубль, прислушался к себе, и внутренний голос подсказал: «У тебя есть все предпосылки для хет-трика. Не упusti свой шанс!» Но, создав себе великолепный момент, я промахнулся – банальная кочка помешала. Впрочем, этот факт меня ни капельки не расстроил.

Я спортсмен привередливый, бываю собой доволен крайне редко. Уже давно, в том числе и после тех встреч, которые без оговорок могу занести себе в актив, не ощущаю себя на коне. У меня нет ни намека на то, чтобы хоть чуть-чуть собой погордиться. Взять хотя бы исторические лигочемпионские победы над «Реалом» и «Арсеналом». Накануне тех встреч ситуация была подобна ростовской: надо выиграть! Надо во что бы то ни стало! Кровь из носа! Хоть в лепешку разбейся, но своего добейся! И после тех триумфальных поединков я приходил в раздевалку, садился в свое кресло и говорил себе: мы сделали то, что должны были сделать. А кто и как забил, меня не волновало. И только сутки спустя, вдыхая болельщический восторг, читая хвалебные статьи, я понимал: произошло нерядовое событие. Вспоминал свои голы и позволял себе подумать о том, что я причастен ко всему тому ажиотажу.

Такие победы и осознание своей боеспособности в международных матчах добавляют человеку опыта, а тот, в свою очередь, позволяет уверенности (прежде всего внешней) выйти на новый уровень, а иногда и превратиться в кураж.

Кураж, к слову, – это великое состояние. Пребывать в нем постоянно невозможно, но ниже определенной отметки позитивные эмоции никогда не должны опускаться. Если вдруг замечаешь, что уверенность потихонечку от тебя ускользает, нужно тут же хватать ее за хвост и возвращать на прежнее место.

Ни одна большая победа, ни одно выигранное дерби не придут к тебе, если испытываешь проблемы с самооценкой, если нет убежденности в успешном исходе. Иногда даже слабые команды на кураже «раскатывают» самые сильные клубы планеты.

Нельзя сказать, что сборная России образца 1999 года была слабой, но по всем показателям мы явно уступали тогдашним чемпионам мира – французам. Однако, исходя из турнирных раскладов, нам не оставалось ничего другого, кроме как выиграть. Мы не допускали мыслей о ничьей, о том, как бы не опозориться и не пропустить много. Мы ехали за победой! Каждый из нас чувствовал, что судьба послала нам шанс войти в историю и что мы этим шансом обязательно воспользуемся.

За пару дней до той встречи российским СМИ я наговорил кучу бравурных вещей. Раскритиковал многих французских звезд и сказал, что не вижу причин, по которым мы должны чемпионов мира бояться. Я был абсолютно искренен в своих словах. Моя собственная уверенность подкреплялась уверенностью, которая исходила от тренеров и партнеров. Та наша победа со счетом три-два многое мне дала.

* * *

Говорят, что искусственно вызвать кураж простому человеку нельзя. У меня же во второй половине 1990-х частенько это получалось.

Утром в день матча я просыпался абсолютно умиротворенным, но после обеда, когда до установки оставалось часа полтора, начинал прокручивать в голове предполагаемые эпизоды встречи. Тут же ощущал, как растет мое внутреннее возбуждение, как мои ноги наливаются силой. Когда я направлялся на установку, у меня уже выступала испарина. На самой установке я превращался в фишку на макетной доске, я был уже весь в игре, и по лбу, по спине у меня струился пот. По дороге к автобусу меня потрясывало от переизбытка адреналина. Пока мчались на стадион, я чуть сбрасывал внутреннее напряжение, чтобы не перегореть. Слушал музыку, смотрел в окно. При подъезде к арене я вновь себя заводил, представлял, какое получу удовольствие на поле. А уж если соперник был из категории «топовых», то я и вовсе, как скаковая лошадь перед стартом, «бил копытом» и был готов со свистком судьи полететь вперед. Ступал на газон и чувствовал, что я в полном порядке! Великие времена!

Что бы там ни происходило, у меня с самооценкой и с настроем проблем практически никогда не возникало. Да, в 2003 году, когда после разрыва «крестов» я возвращался в спорт, уверенность немного сбоила. Я ничего не боялся, но журналисты месяца три задавали мне вопрос: «Не опасаетесь, что ваша связка вновь накроется? А тяжело ли стать самим собой после долгого перерыва?» Мне постоянно напоминали, что у меня были проблемы. Я по-прежнему не испытывал страха, тем не менее какой-то надлом в психике все же стал прослеживаться. Я позволил самому себе признаться, что долго не играл, а это означало, что я разрешил Егору Титову снисходительно к себе относиться. Все это не могло пройти бесследно. Но я достаточно быстро вернул все на свои места. В тот год мне даже пару раз посчастливилось призвать на помощь кураж. Однако после отставки Романцева, при работе с Чернышевым и Старковым, столь важного для меня «победоносного» состояния мне больше достичь не удавалось. Ощущение праздника, которое дарил футбол, ушло. Да, уверенность оставалась при мне, но без должного желания она уже не приносила привычных дивидендов. Любимая игра превратилась в монотонную работу. Все было не то и не так. Я погрузился в какую-то рутину и уже не получал удовольствия от игры. Более того, порой улавливал в себе черточки, присущие тридцатипяти-тридцатисемилетнему футболисту на сходе, который на автопилоте едет к финишу, зная, что все самое лучшее осталось в прошлом. Мне тогда было очень страшно. Я думал: елки-палки, неужели в двадцать семь лет для меня все закончится? Хуже всего было то, что подобные метаморфозы происходили со всеми моими партнерами. Элементарно не от кого было подзарядиться положительной энергией. Меня все бесило. Моя раздражительность наверняка переносилась в семью. Не дай бог кому-то пережить нечто подобное.

А ведь это была еще не низшая точка. Самое страшное началось тогда, когда закончилась моя годичная дисквалификация. Везде писали и говорили: «Титов вернулся. Сейчас он всем покажет! Сейчас он будет творить чудеса!» А я-то всего-навсего человек, не волшебник и не Стрельцов, что, впрочем, одно и то же. Мне надо было обрести себя заново. Признаться, я надеялся, что справлюсь. Моя уверенность была при мне, ноги тоже. На старте, забив два гола «Рубину», я подумал, что все пойдет нормально. Но после пяти-шести туров у меня случился спад. Видимо, организм отвык от таких нагрузок, от такого графика. Я понял, что навыки притупились. Раньше я не глядя отдавал передачи и знал, что они будут филигранными, а тут выяснилось, что мне нужно поворачивать голову, и вдобавок это не гарантировало точности. Плюс я вернулся совсем в другую команду, от былых принципов построения игры ничего не осталось. С партнерами я говорил на разных языках. Вот тогда я призаду-

мался и занервничал. А тут меня еще посадили на лавку. Я до этого последний раз сидел на скамейке запасных весной 1996-го. Жутко непривычное и болезненное ощущение: у меня в голове не укладывалось, как я могу быть невостребованным. Но я не такой человек, который пойдет сразу спрашивать: а почему?

Возвратился я в основу «удачно»: один-три сгорели «Москве». Появился еще один повод для переосмысления – пришел к выводу, что все стало сложнее. В итоге месяцев пять с собой боролся. Затем была пауза из-за игр сборной, когда мы очень хорошо поработали. У футболистов есть такое выражение «крылья выросли». Так вот они у меня выросли, навыки пробудились, и уверенность вернулась. Больше мы с ней не расставались. И я, третий калач, признаться, теперь не представляю, из-за чего могу с ней расстаться хотя бы на день!

Глава 4

Как воспользоваться полученным шансом

Для того чтобы состояться в каком-то деле, помимо всего прочего нужно уметь использовать те шансы, которые тебе посылает Всевышний. Бывает, единственный достойный случай проявить себя выпадает человеку в тот редкий момент, когда он по каким-то причинам не готов к испытаниям. Я думаю, что мне повезло: мои шансы приходили ко мне вовремя, хотя тогда мне казалось, что я слишком долго их ждал. А началась моя «шансовая эпопея» в 1992 году...

До попадания в дубль мне непосредственно на зеленом газоне в общем-то все легко давалось. И вдруг, попав от Королева к Зернову, я понял, что мне нужно завоевывать авторитет заново. Вообще все проходить заново! Впереди представлялся какой-то нереальный по сложности путь. Пока я месил грязь на полях второй лиги, мои сверстники уже становились звездами.

Владик Радимов в только созданном российском чемпионате произвел фурор. Он играл дерзко и ярко, напрочь шокировал и своих и чужих. Так вот, я наблюдал тогда за взлетом Радимова, чуть позже Хохлова, и мне безумно хотелось тоже на авансцену выйти. Проверить себя! Зависти никакой и в помине не было, я вообще подобного чувства никогда в жизни не испытывал. Мы вместе с Владом и Димоном выступали в юношеской сборной СССР были прямыми конкурентами, и я не сомневался, что эти ребята доберутся до Высшей лиги.

Когда они заблистали, я радовался за них. Чуть ли не гордился. При этом сознавал, что мое время тоже обязательно наступит. Я объективно оценивал ситуацию: заиграть в том «Спартаке» семнадцатилетнему мальчишке было не под силу. И все равно зверски тянуло попробовать.

Если бы в тот период мои мечтания сбылись и Романцев бросил бы меня в бой вместе со спартаковскими титанами, боюсь, я просто не выдержал бы таких потрясений.

Подобие моего дебюта состоялся в 1993 году в товарищеском матче со сборной Ирана. Когда минут за пятнадцать до конца встречи Олег Иванович подозвал меня, чтобы выпустить на поле, я так разволновался, что споткнулся и чуть не упал. Этот комичный эпизод я часто описывал в прессе. Напомню лишь, что от волнения я заменил не Вовку Бесчастных, как мне велел Романцев, а Игоря Ледяхова. Это сейчас смешно, а что тогда со мной творилось, вы даже не можете представить!

Главное – что я все же попробовал на вкус большой футбол, только вот следующего шанса мне пришлось ждать почти два года.

В марте 1995-го я должен был наконец-то принять участие в официальном матче в Москве с «Уралмашем», но получил небольшую травму. Лежал дома перед телевизором, и когда Муксин Мухамадиев сделал дубль, у меня мелькнула мысль: а ведь я тоже мог бы сейчас быть там, в телевизоре, и, глядишь, поучаствовал бы в голевой комбинации!

И все же вскоре, уже на выезде, в кубковом противостоянии все с тем же «Уралмашем», наконец-то получил то, что было для меня так важно. Поразительно: события, предшествовавшие полноценному дебюту, мне запомнились куда больше, чем сам дебют. Нас поселили в «новейшей и комфортабельнейшей» гостинице города Екатеринбурга, постройки эдак года 1969-го. Вырывающий ноздри запах я не комментирую, раньше он был обязательным атрибутом каждой гостиницы. Меня убило другое – полчища тараканов. К этим тварям я вполне нормально отношусь – как-никак рос в коммуналке, где мусоропровод располагался прямо на кухне. Однако столько тараканов, сколько на нас с Валеркой Чижевским в буквальном смысле набросилось в номере, я не видел нигде и никогда. Была настоящая война! Эти варвары по стенам залезали на потолок и оттуда падали на нас – мы едва успевали смахивать

их с себя. После непродолжительных боев мы с Чижом сдвинули кровати в центр комнаты, одежду положили на тумбочки – не хотелось, чтобы враги в нее забрались и отправились с нами в Москву. Но как только выключили свет, последовала новая атака. Мы встали, зажгли лампу и отбили натиск превосходящих сил противника. Так повторялось несколько раз. Потом мы уже решили свет не гасить, и все равно поспать нам не удалось.

То ли эта безумная ночь повлияла, то ли тот факт, что из-за обилия больных в состав вкрапили много молодежи, то ли сказалось, что к моему появлению на поле счет был уже пять-ноль в нашу пользу, но я ни капельки не занервничал, когда услышал: «Готовься». Отыграл минут двенадцать совершенно спокойно. Какой-то эмоциональной феерии не испытал. Я просто ощутил: ну вот, та жизнь, к которой так долго подбирался, наконец-то наступает. Дерзай!

Затем я очень неплохо вышел на замену в кубковой встрече с «Динамо». Мои сорок пять минут все оценили лестно, даже Романцев. И после этого я уже во что бы то ни стало рвался попробовать себя в стартовом составе в чемпионате страны. Накануне ростовского поединка с «Ростсельмашем» я уже всерьез рассчитывал на то, что мне такую возможность предоставят, к тому же все ведущие центральные полузащитники «Спартак» находились в лазарете.

Когда на установке услышал свою фамилию, сердце учащенно забилося, однако я очень быстро взял себя в руки. И на двадцатой минуте отдал голевой пас Мухамадиеву. Тем не менее матч получился безумно тяжелым. Стадион битком. Жара какая-то патологическая – сорок градусов. Солнце висело прямо над головой. Минут за пятнадцать до конца я совсем спекся, уже не играл, а насиловал себя на поле. Набегался так, что меня чуть не вывернуло наизнанку. С тех пор жару не люблю. Лучше уж мороз и стужа!

Пришел я тогда в раздевалку, расшнуровал бутсы, сижу и думаю: «Да, батенька, сложновато играть с мужиками!» Но команду-то не подвел, себя от основы не «отцепил». Я догадывался, что Олег Иванович будет ставить меня до тех пор, пока не поправятся Цымбаларь. Пятницкий и Никифоров. За это время мне необходимо было набрать побольше вистов и ни в коем случае не оконфузиться.

В итоге программу-минимум я выполнил. И когда «старики» выздоровели, да еще Вася Кульков подъехал, я отправился в резерв с чувством выполненного долга. Никакой досады не было!

Я уже отдавал себе отчет в том, что могу играть на серьезном уровне. Могу и буду! Да, я плотно сидел на скамейке запасных, но был убежден, что мой час обязательно пробьет. 1995 год стал для меня переходным периодом, таким пристрелочным этапом, и, судя по всему, здорово, что он у меня был. Под занавес сезона меня дважды выпустили вспомнить, что это такое – футбол с мужиками. 22 октября в выездной встрече с «Тюменью» выпорхнул на поле при счете то ли четыре-ноль, то ли пять-ноль, Сережа Юран из центра вывел меня один на один с вратарем. Я ударил, голкипер мяч отбил, но тот, несмотря на изуродованное грязью поле, запрыгал в ворота. Я тогда радовался как полоумный, бежал и думал: «Вот это кайф!» Через неделю дебютировал в Лиге чемпионов – в матче «Русенборгом» при счете четыре-ноль меня пустили погреться на пять минут. Кстати, после той встречи усилились разговоры о том, что лидеры разъедутся, и я уже наверняка знал, что стану одним из тех, кому будет суждено заполнить освободившиеся вакансии.

И впрямь – Георгий Александрович Ярцев с первых же своих дней в качестве главного тренера дал понять, что футболист Титов его устраивает. Чем ближе был новый чемпионат, тем больше я играл в контрольных матчах на месте опорного полузащитника. В феврале на Кубке Хазарова, где все было очень серьезно, обе встречи провел в составе. Помню, едва раздался свисток после финального матча, я тут же стал подсчитывать, сколько нам дадут

премиальных. Тогда у меня, начинающего, с деньгами была напряженка, а тут команда завоевала двадцать тысяч долларов. Вот я все и пытался прикинуть, сколько же получу на руки.

После хазаровского турнира я ощутил себя членом основы. Каково же было мое удивление, когда на стартовый матч с национальную команду». От таких слов я, мягко говоря, прибалдел и, естественно, остался. Но из-за банальной простуды мне пришлось бесславно уехать.

Второе мое несостоявшееся свидание со сборной датировано ноябрем 1997-го. «Спартак» в Волгограде укатал «Ротор» – два-ноль – и стал чемпионом. Я на многое тогда был способен. Краем уха слышал, что Игнатьев намеревается вызвать меня для участия в стыковом матче с итальянцами, и уже начал вынашивать дерзкие планы на сей счет. Однако время шло, а мне никто ничего официально по этому поводу не сообщал. Перед самым отлетом из Волгограда я улучил моментик и спросил у нашего вице-президента Григория Есауленко: «Григорий Васильевич, на меня прислали бумагу из РФС?» Ответ прозвучал так: «Какая сборная? Не забивай голову. Готовься к «Карлсруэ». А через два дня я в газете прочитал, что Титов не явился в расположение национальной команды, за что должен быть дисквалифицирован. Я был обескуражен таким поворотом событий. Дисквалификации удалось избежать, но осадок остался.

И вот наконец-то при Бышовце в 1998 году я в сборную все же попал. Анатолий Федорович пригласил туда всех, кого только можно было пригласить. Съехалась вся старая гвардия, включая Добровольского и Харина. Я поначалу передвигался по базе в розовых очках, которые прикрывали мои выпученные от изумления глаза. Уважаемые и знаменитые люди, выступавшие в ведущих европейских клубах, оказались рядом со мной. Робости не было – было какое-то дикое стремление постигнуть этот особый мир. Я уже кое-кого знал по «Спартаку». С Игорем Шалимовым мы близко познакомились благодаря Коле Писареву. И ощущение того, что я в любую минуту могу подойти за советом или к тому же Шале, или к Вите Онопко, добавляло мне сил. И хоть я тогда не попал даже в запас на встречу со шведами, которая, кстати, дала отсчет «шести черным матчам», завершившимся отставкой Бышовца, все равно получил хороший опыт.

Среди череды поражений сборной того созыва я бы отдельно остановился на домашнем матче с французами. Перед этим я шикарно сыграл с «Реалом», забил гол, и Анатолий Федорович доверил-таки мне место в составе. Так мы столкнулись лицом к лицу с Зиданом. Я нисколько не волновался. Многое у меня получалось, да и в целом мы показали классный футбол, но мастерство великого Зизу принесло победу французам – три-два. С тех пор я стал полноправным игроком сборной России, хотя незадолго до этого смотрел на главную дружину и не представлял себя в ней. Я видел там Шалимова, Канчельскиса, Кирьякова. Колыванова, Никифорова, Добровольского и других звезд. Никто ведь не думал, что так быстро они сойдут в «зрительный зал», и мы, вчерашние мальчишки, которые провалили европейское молодежное первенство, буквально перейдя через дорогу, окажемся на ведущих ролях в национальной сборной. Мы явно не были к этому готовы. Нам нужны были дядьки, такие как в «Спартаке» Горлукович, Пятницкий, Цымбаларь, которые нами руководили бы. Нам же пришлось опираться на самих себя, вот духу и не хватило. Хотя по отдельности каждый смотрелся, в общем-то, неплохо.

* * *

Чтобы завершить разговор о дебютах, я хотел бы вернуться в 1996 год – мой первый и, наверное, самый яркий год в настоящем футболе. Столько нового я тогда постиг, такие эмоции испытал, что забыть это невозможно. На ранней стадии еврокубков в противостоянии с «Кроацией» у меня лопнула капсула в голеностопном суставе. Ногу разнесло осно-

вательно. Но Ярцев сказал: «Через пять дней матч в Тольятти. Ты будешь играть! Ничего слышать не хочу про твои болячки». Естественно, опухоль за это время не спала. Мне наложили двойной тейп, я еле-еле сумел натянуть бутсу. Иду на разминку – боль не отпускает. На третьей минуте Леша Мелешин открыл счет – настроение улучшилось настолько, что я перестал замечать дискомфорт, но вскоре, отдавая передачу, подвернул травмированную ногу. Заменялся, и Георгий Саныч мне тут же напихал: «Я же тебе говорил: не играй!» Потом были разборки главного тренера с командным доктором, в результате которых, как всегда, пострадал я. Это был последний негативный штришок от того сезона. Потому что осень, ставшая для нас золотой, дарила только радость. Было какое-то непередаваемое ощущение единства с болельщиками. На все наши матчи собирался полный стадион, поддержка была неистовой. Мы творили чудеса!

Чего только стоит поединок с «Торпедо», в котором мы, уступая один-три, сумели добиться своего. Мне доводилось слышать, что тот матч якобы был договорным. Обидно и смешно одновременно. Обидно от того, что все было по-настоящему, а весело от того, что тогда сценарий к этому «договорняку» должен был бы написать Дэн Браун. Только его изощренный мозг мог придумать такую нереальщину. Если кто позабыл, три пропущенных от «торпедовцев» гола стоили Нигматуллину карьеры в «Спартаке». По ходу матча Нигму заменил Саня Филимонов и своего места Руслану уже не отдал. Мы, как безумные, радовались той победе. Когда в концовке Вовка Джубанов забил четвертый мяч, я решил, что сейчас состоялось самое грандиозное событие в моей жизни. У меня есть кассета с записью той феерии. В 2005 году мы с Тихоновым ездили на отдых в Эмираты и брали ее с собой. Когда смотрели, как Джубан посылает мяч в сетку, у нас с Андреем в глазах стояли слезы.

Но чудеса на том матче в 1996 году не закончились. До сих пор свеж в памяти гол Горлуковича «Ростсельмашу». Последние минуты, мы вновь проигрываем – на этот раз ноль-один. Если не забиваем, то прощай, «золото». Перед этим мы раз пятнадцать исполняли стандарты. Не лезет мяч в ворота, и все! И тут подходит Горлукович, отодвигает Тихонова: отойди, сынок! Я рядом стоял, думаю: если Дед сейчас не забьет, то конец! А он со штрафного кладет «пятнистого» в девятку. Поворачивается и спокойно бежит назад. Это ли не фантастика?! Мы были настолько одержимы целью стать чемпионами, что даже в самых экстремальных ситуациях верили в конечный успех. И те обороты, которые тогда и я, и команда набрали, дали мне импульс на все последующие годы.

Проверка психики

Глава 5 Как сохранить почву под ногами в период больших побед

Победа – это все! Ради нее и выходим на поле. Мне грех жаловаться, я знаю, что это такое – быть сильнее соперника. И все же есть доля лукавства, когда говорят, что победы не приедаются. Приедаются! Но это не означает, что из-за их обилия ты меньше хочешь выигрывать, просто уже не получается в полной мере наслаждаться плодами своей деятельности. Сказал себе: «Молодец!», пожал руки партнерам, прочитал хвалебные статьи и пошел дальше, за новыми успехами. С некоторых пор острота восприятия вновь вернулась. Даже год без золотых медалей прекрасно воскрешает все эмоции. У меня довольно быстро возникло дикое стремление повторно пережить ту гамму чувств, которую испытал в 1996 году на стадионе «Петровский». Наверное, кто-то удивится, но речь идет не о золотом матче, а о том, который ему предшествовал. Турнирное положение складывалось таким образом, что нам необходимо было брать три очка, а мы уже в начале встречи пропустили от «Зенита» гол, да еще нам сообщили, что главный конкурент – «Алания» – ведет в счете в своем поединке. И, конечно же, внутри поселилась тревога: неужели будем только вторыми? А быть вторыми – это трагедия. Хуже, как мне тогда казалось, лишь вылет в первый дивизион. В общем, мы с таким остервенением лезли вперед, что питерцы не выдержали и дрогнули. Я и Андрей Тихонов забили по мячу. Эти голы обсуждаются любителями футбола уже более десяти лет, многие убеждены, что вратарь «Зенита» «зевнул» наши с Андреем удары намеренно. Глупости! Я был в той мясорубке и считаю, что только чудо уберегло «Спартак» от серьезных травм. Просто Рома Березовский не совладал с нервами, а газон был настолько плохим и вязким, что вратарь не сумел нормально от него оттолкнуться. Сегодня кто угодно может ставить тот результат под сомнение, но я всегда буду помнить, как после финального свистка Георгий Саныч Ярцев подошел ко мне, обнял, как отец обнимает сына, и сказал: «Спасибо!» Это была лучшая похвала, при воспоминании которой у меня по-прежнему что-то сжимается в подреберье.

В 1996 году все было в диковинку. Каждый день приносил нечто прежде неизвестное. Я жил как в сказке. И, наверное, ощущение этой самой сказки не позволяло мне волноваться. Просто поразительно, насколько я тогда был спокоен. За неделю до «матча века» в составе молодежной сборной России мы разгромили Люксембург, так в ходе подготовки к той встрече, да и после нее Михал Данилыч Гершкович мне все уши прожужжал: «Смотри, у тебя впереди спор за золотые медали!» Я все никак понять не мог, в чем особенность-то: точно так же, как и всегда, нужно будет выйти на поле и показать все, что мы умеем. И только в Питере до меня дошел смысл наставлений Гершковича. За сутки до игры город на Неве окрасился в красно-белые цвета, абсолютно везде говорили о предстоящем поединке, знакомые завалили меня просьбами помочь достать билет на «Петровский». Весь этот ажиотаж возымел действие, и волнение на меня все-таки навалилось. А когда на стадионе мы выпорхнули из раздевалки и увидели, что все трибуны – спартаковские, когда от яростного крика болельщиков заложил уши, вот тогда меня натурально затрясло. Мне вдруг отчетливо стало ясно, что на кону стоит слишком многое, и это многое мы не имеем права упустить. Впрочем, я быстро «протрезвел». Я тогда исполнял функции опорного полузащитника. Эта позиция вряд ли является моей любимой, но все легко получалось и у меня, и у команды.

Ни на долю секунды нас не покидала уверенность, что именно мы будем первыми. И когда прозвучал финальный свисток, я даже толком не осознал, что же мы, питомцы ярцевского детсада, сотворили. Да, я радовался вместе со всеми. Мы бежали круг почета, кидали футболки и шарфы на трибуны, болельщики скандировали такие заветные слова «Мы – чемпионы!», но ощущения реальности не было.

Все как во сне. И лишь в Москве, когда после ночных празднований я утром в компании Вовки Джубанова и Лехи Мелешина заявился домой, долгожданное ощущение реальности наконец-то включилось. Отец открыл дверь, и я увидел слезы гордости на его глазах. Те слезы никогда не забуду! Вот ради таких моментов и нужно жертвовать тем, чем мы жертвуем, терпеть все трудности и невзгоды. И именно после таких моментов случается переоценка ценностей. Ты становишься сильнее и старше, начинаешь смотреть на себя несколько другими глазами, думаешь, что теперь тебе любое море по колено. Состояние эйфории – величайшее из всех, через которые суждено пройти человеку, но вместе с тем оно и слишком опасно. Когда на тебя падает слава, когда она окутывает тебя со всех сторон, очень трудно сохранить почву под ногами. Да, можно попытаться от этой славы убежать, но это будет по меньшей мере странно. Быть в центре внимания – составляющая нашей профессии, и нужно научиться выглядеть там достойно. К тому же человек по своей природе честолюбив, а популярность, статьи в газетах, репортажи по телевизору для удовлетворения честолюбия весьма подходящие атрибуты.

* * *

В ноябре 1996 года слава наших предшественников – Онопко и К°, слава, остававшаяся бесхозной на протяжении целого сезона после отъезда спартаковских звезд, сокрушительным ударом обрушилась на нас – двадцатилетних пацанов. Настало наше время. Не каждому удалось пройти то испытание. Меня тоже посещало жгучее желание насладиться результатами нашего триумфа, но во мне уже укрепился дух максимализма. Я был наполнен жадой новых испытаний, мне хотелось проверить себя в более серьезных условиях. Я грезил сборной, еврокубками, чемпионатами мира и Европы. Я рвался вперед. Мне представлялось, что я смогу играть на любом уровне, против любого соперника. И не только я, а все мы. Может быть, таким странным образом проявлялось некое подобие звездной болезни? Впрочем, кто это решил, что стремление проверить себя следует трактовать как какую-то там болезнь? Это же абсолютно нормально, что спортсмен стремится покорять новые рубежи!

В итоге победы на внутренней арене в течение следующего года я воспринимал как само собой разумеющееся и ждал серьезных еврокубковых впечатлений. Для болельщиков заключительный матч «Спартак» в 1997 году вряд ли стал особенным, а вот для меня он во всех смыслах исключительный. В рамках Кубка УЕФА мы добрались до «Карлсруэ», с которым на выезде сыграли со счетом ноль-ноль. В бундеслиге наш соперник располагался на шестом-седьмом месте. И это обстоятельство не давало оснований предполагать, и мне в том числе (куда, спрашивается, делась прежняя уверенность?), что наша молодая неопытная команда имеет шансы на выход в следующую стадию. К тому же ответная встреча должна была состояться в декабре на стадионе «Динамо». На таком поле ни до, ни после в футбол никто не играл. Там не было ни единой травинки, газон засыпали песком, разровняли катками, и все это на жутком морозе задубело. Нам суждено было выяснять отношения фактически на бетоне. Ни о каком техничном комбинационном футболе не шло и речи. Немцы же мощнее нас, и за счет мощи они должны были нас смять. Но когда мы увидели переполненные трибуны и услышали неистовую поддержку болельщиков, то внутри все перевернулось: ну, немцы, держитесь! Как мы тогда играли! У меня есть нарезка моментов с того матча, и сейчас я часто ее смотрю – такой бальзам на раны! Когда Шира забил победный гол и

мы преодолели этот сложный германский барьер, я испытал бурю эмоций! Все смешалось воедино: радость от победы, выход в следующую стадию, грядущий отпуск! Так и жил с ощущением полета до тех пор, пока жребий не преподнес нам подарочек в лице «Аякса», который на тот период обладал целой когортой звезд и считался одним из лучших клубов Европы. Поначалу у меня даже возникла мысль: зачем нам вообще с голландцами играть? Но когда мы по всем статьям победили амстердамцев в их родных стенах, я окончательно понял, что играть можно с любым клубом. Чувствуете разницу: осенью 1996 года мне это только казалось, а весной 1998-го я это уже знал наверняка.

И все равно рассуждать о природе победы как таковой было бы непростительно, не познав ее вкус в Лиге чемпионов. И это уже следующий этап в восприятии себя. Когда в рамках самого престижного турнира в переполненных «Лужниках» мы нокаутировали королевский «Реал» – два-один, в Москве творилось что-то невообразимое, а у нас вся раздевалка стояла на ушах. Мы все в один миг посходили с ума. Тогда нас поздравлял видный правительственный чиновник Евгений Максимович Примаков. Вместе с ним вломилось множество охранников. Толчея была жуткая. Столько лет минуло, но я как сейчас вижу запотевшие очки Примакова и слышу торжественный голос, поздравляющий нас с грандиозным успехом. Вот тогда мне открылась простая истина: именно такие матчи, привлекающие внимание всей страны и правительства, делают тебе имя, создают твою судьбу. «Тюмень», нижегородский «Локомотив» никогда не прибавят славы. Там ты ее рискуешь только потерять, если вдруг оплошаешь. Потому что обязан выигрывать у таких соперников в десяти случаях из десяти.

Кто-то из великих сказал: «Скучно писать имеют право только состоявшиеся писатели. Начинающие права на такую роскошь не имеют». Вот то же самое и в футболе. Двадцатидвухлетний пацан топ-матчи обязан проводить на максимуме своих возможностей. Это к тридцати годам, если у тебя уже будет твердая и весьма успешная репутация, позволительно простить себе одну-другую неубедительную игру. Хотя уважающий себя спортсмен обязан держать свой уровень в любых условиях и при любом сопернике.

Самое досадное, что, ныряя в подробности того матча, я себя (вот редкость-то!) кроме раздевалки, по сути, больше нигде и не помню. То есть в памяти сохранилось ощущение эйфории, но, видимо, само это состояние было настолько необычным, что не позволило отложиться в мозгу множеству деталей тех событий. А я ведь испанцам забил очень приличный гол. Жалею, что тогда не стенографировал свои впечатления: как я шел в подтрибунное помещение, о чем думал, когда переодевался, какие сны мне снились в ту ночь, как себя чувствовал, когда поднимался с кровати.

Хотя вряд ли там было что-то из ряда вон выходящее. Потому что человек так устроен: после поражений у него все жутко болит, наутро ему становится еще хуже. Зато после выигрывшей на болячки внимания не обращаешь: знаешь, что положительные эмоции быстро приведут твой организм в норму. К тому же в минуты радости о таких вещах вообще не думаешь. Хочется обнять партнеров, сказать, какие они молодцы, пойти куда-нибудь всем вместе и просидеть несколько часов за разговорами, хочется включить телефон и слышать теплые слова от друзей и близких.

* * *

После побед совсем в другом настроении предстаешь перед журналистами. Я уже давно привык расстояние от раздевалки до микст-зоны проводить с пользой: пока иду, в голове составляю себе краткий планчик того, что и как скажу. Процентом восемьдесят вопросов мне известно заранее, потому что они задаются регулярно. Так вот когда твоя команда оказалась выше соперника, особо и голову ломать не надо, как и чего сказать. Все само

собой раскладывается по полочкам. Хотя все это большого удовольствия мне уже давно не доставляет. Я люблю неожиданные вопросы, которые заставляют мой внутренний компьютер функционировать на полную мощность.

Самое удивительное, что колоссальное желание сразу же после матча общаться с прессой я испытал, когда в 1998 году сборная России уступила в Москве чемпионам мира французам со счетом два-три. Это был мой дебют в сборной, я был полон впечатлений, они так и рвались наружу. Я направлялся к микст-зоне с надеждой, что меня кто-то из журналистов окликнет. И стоило мне очутиться в положенном месте, как меня окружили люди с камерами и диктофонами. Я подумал: «Вот здорово!» – и не умолкал минут пятнадцать.

Сегодняшнее поколение игроков старается в микст-зону не попадать. Из подтрибунного помещения любого московского стадиона есть как минимум два выхода. Если договориться с охранником, тебе откроют тот, о котором акулы пера и не подозревают.

Откровенно говоря, у меня тоже случались «побеги» через черный ход, но в определенный момент я пересмотрел отношение к этой теме. Я капитан и обязан отдуваться за всю команду. В любом коллективе должны быть хотя бы два-три человека, которые даже после самых жутких неудач ответят на вопросы и в тактичной форме расскажут журналистам, а следовательно и болельщикам, о причинах случившегося.

Начинающему игроку надо быть очень аккуратным в общении с прессой. И не только из-за того, чтобы не ляпнуть лишнего, а, скорее, для того чтобы не усугубить звездную болезнь. В том, что, добившись чего-то серьезного в жизни, этой болезнью переваливает каждый, не сомневайтесь. Но вот реально оценить все, что с ним происходит, спортсмен оказывается в состоянии лишь на шестой-седьмой год взрослой карьеры. Сейчас оглядываюсь назад и отчетливо вижу, в каких ситуациях я вел себя неправильно: где-то огрызался, где-то демонстративно игнорировал советы, где-то снижал требования к себе. Я ведь этому не отдавал отчет, полагал, что все делаю правильно. Когда ты становишься чемпионом, когда тебя называют лучшим футболистом страны, когда твое имя не сходит со страниц газет, ты и впрямь начинаешь считать себя самым-самым. И далеко не каждый признается себе в том, что он сбивается с верного пути.

Разминуться со звездной болезнью может только очень застенчивый и фантастически правильный человек. Но футболисты таковыми не бывают. Скромных и порядочных в нашей среде много, а застенчивых и правильных – нет совсем. С этими качествами ты до большого спорта не доберешься – «поломают» на первых же подступах к нему. Мы по природе своей немножко хулиганы, немножко наглецы, мы полны амбиций. Среди нас идеальных, наверное, не найти. Так что «приступ» завышенного самомнения – это в порядке вещей, и в этом нет ничего страшного. Главное не запустить. Для этого желательно, чтобы рядом оказались люди, которые смогли бы помочь тебе вернуться на грешную землю. Другой вариант – самому трезво посмотреть на себя со стороны и сделать правильные выводы, что я в ключевой момент и сделал. Вот поэтому мои давние друзья по-прежнему со мной. В наших отношениях столь модное ныне понятие, как «социальный статус», не фигурирует и фигурировать никогда не будет.

Сегодня смотрю на некоторые молодые дарования и подмечаю: э, дружок, а ты капитально схватил «звездочку». Но помалкиваю, большинству об этом намекать бесполезно – не поймут или поймут превратно.

* * *

Победы бывают командные. Они основа основ! Впрочем, случаются еще и победы личные. Они тоже приятны. Только вот насколько, я сказать не могу – не прочувствовал. И в 1998, и в 2000 годах заранее знал, что именно я буду лучшим. Просто «Спартак» являлся

сильнейшим клубом страны, а я тогда настолько здорово играл, что эти два компонента в совокупности не оставляли журналистам, специалистам, футболистам другого выбора. Должны быть интересны сами моменты официального объявления моих достижений. Но...

Вот сижу и в очередной раз жалею об отсутствии машины времени. Существой она – я бы сейчас быстренько сгонял в те далекие годы и вынул бы оттуда тогдашние свои впечатления. Сейчас мне кажется, что особых эмоций оттого, что на всю страну объявили: «Егор Титов – номер один в большом футболе», я не испытал.

Наверное, все дело в том, что я спартаковец. Нас воспитывали в духе коллективизма. Никогда не забуду, как Георгий Саныч Ярцев сжимал свою жилистую ладонь в кулак и говорил: «Вот так вы – команда!» – потом разжимал руку, хватался за указательный палец и оттягивал его в сторону: «А поодиночке в футболе вы ничего не добьетесь». Отец с ранних лет тоже прививал мне чувство локтя, поэтому я очень спокойно отношусь к своим личным успехам. Когда с ребятами или друзьями обсуждаем матчи и кто-то начинает меня нахваливать, стесняюсь и стараюсь перевести разговор на другую тему. Оценивая игру «Спартака», не употребляю «я», у меня существует только «мы». В нашем виде спорта не должно быть такого: команда проиграла – все сволочи, а один красавчик. А если уж команда побеждает, то тем более это не может быть заслугой одного, двух и даже восьми человек. Это общий успех, и каждый вложил в него свою лепту. Да, сейчас я пишу банальные вещи, но банальные они лишь для тех, кто не познал изнутри, что это такое. Для меня же это главенствующий принцип в любимом деле. Потому что как только человек, даже если он мегазвезда, начнет отделять себя от коллектива, и ему, и коллективу – крышка.

Я, если когда и гордился, то, скорее, не собой, а тем фактом, что в какой-то степени доставил радость близким людям и нашим болельщикам. После вышеупомянутого победного матча с «Реалом» я ехал на машине домой. Транспорт передвигался с той же скоростью, что и люди. А людей было море. И это море ликовало и бесновалось. Клаксоны, дудки, трещотки, флаги, скандирования, песни. Настоящий красно-белый многокилометровый карнавал! Я не удержался, приоткрыл окошечко и украдкой восхищался всей этой картиной. Мне было и интересно, и приятно от того, что мы подарили людям вот этот праздник. Мощнейшее впечатление!

Примерно нечто подобное испытал лишь пару раз. Когда нас похвалил Романцев. Олег Иванович, мягко говоря, нас не баловал, и поэтому любое его теплое слово о нашей игре навечно откладывалось в памяти каждого из нас.

...1999 год. Мы красиво обыграли в Голландии «Биллем II», Романцев зашел в раздевалку и сказал: «Молодцы! Вы просто молодцы!» Мы натурально были шокированы таким заявлением, но это еще цветочки по сравнению с тем, что ждало команду через несколько дней. Из Нидерландов мы сразу полетели в Ростов, где нам предстояло провести третий матч за семь дней. Нагрузка колоссальная, длинный сезон близился к финишу, сил уже не оставалось. Мы собрались и на характере разорвали ростовчан – три-ноль. Олег Иванович в раздевалке не скрывал своего восторга: «Вы – мужики! Я вами горжусь». Это было что-то! Такие слова, о которых и мечтать не могли, мы слышали от своего главного тренера после двух поединков подряд! Тогда казалось, что в футболе мы уже всего достигли. Олег Иванович потом сам признался, что подобное проявление чувств ему никак не свойственно и раз он такое сказал, значит, повод мы ему дали очень серьезный.

Романцев вообще тренер не от мира сего. Он потрясающе необычный человек. Помню, в 2000 году мы взяли верх над «Ростсельмашем» и досрочно стали чемпионами (Калина тогда забил единственный гол). Трибуны ликуют – как-никак пятое «золото» подряд. Я смотрю на судью, дающего финальный свисток, и периферическим зрением замечаю, как Олег Иванович срывается со своего места на скамейке запасных и, ни на кого не глядя, быстро направляется к служебному выходу. Я капитан команды, мы должны устроить празд-

ник нашим болельщикам, но главного творца победы с нами нет. В душу закрадывается тревога, и радоваться никак не получается. Помощник Романцева Вячеслав Грозный тоже в замешательстве, я у него от безысходности спрашиваю: «А где Иваныч-то?!» Растерянный Грозный разводит руками. Я выругался про себя, прекрасно понимая, что сейчас придется привлечь на помощь весь свой актерский потенциал. Кое-как мы с ребятами пробежали круг почета, изобразили торжественные лица и, собрав чувства в кулак, направились в раздевалку. Олег Иванович, естественно, ни с каким чемпионством нас поздравлять не стал: «С такой игрой в лиге вам делать нечего. Не представляю, как вы будете там играть!»

Вот в этом, как тогда казалось, романцевском перехлесте – ответ на то, как сохранить под ногами почву после больших побед. Нужно постоянно настраивать себя на встречу с новыми испытаниями. Как только позволишь эйфории завладеть собой, рискуешь упустить что-то очень важное.

Глава 6

Как держать удар после горьких поражений

Поражения... Уф-ф... Жестокая это вещь, вспоминать неприятно. Да, годы лечат, но шрамы на душе остаются на всю жизнь. Когда в 1997 году с нами случилась трагедия под названием «Кошице», я впервые почувствовал, как остановилось время. Я так хотел попробовать Лигу чемпионов на вкус! И когда мы не смогли преодолеть столь легкий барьер, то не просто испытал жуткую боль – мне почудилось, что, кроме этой боли, больше ничего и нет. Конечно, я бы быстрее с ней справился, если бы не та травля, которую нам устроили в СМИ. Со всех сторон несло: «Позор!» На нас оказывалось такое давление, что можно было подумать: все беды России из-за «Спартака». Именно в те тяжелые дни я понял, что облегчить страдания способен только желание реабилитироваться. Повезло, что следующий матч мы проводили дня через два-три. Это гораздо лучше, чем изводить себя целую неделю. Олег Иванович всегда в таких случаях говорил: «Календарь к нам милостив. Отмазывайтесь!» Уже в тот мой первый раз ожидаемого «отмазывания» я готовился к ближайшему поединку как к самому «последнему и решительному бою», Впрочем, так же готовились и остальные ребята.

Людей на игру с «Зенитом» пришло множество. Тогда я удивился, но теперь, досконально зная преданность наших болельщиков, осознаю, что это было естественным. Уже минуте на пятнадцатой Костя Головской отдал классную передачу на линию штрафной, я в касание обработал мяч и левой ногой с лету вогнал его в угол ворот питерцев. Стадион поднялся: нас простили! Мы словно сбросили с себя тяжкий груз и на том эмоциональном запале провели классную осень: и «золото» взяли, и в Кубке УЕФА выстрелили.

То есть любое поражение – это проверка на прочность. Оно может сломать и отдельного человека, и всю команду, а может и, наоборот, послужить импульсом к дальнейшему развитию.

Поэтому неудача неудаче рознь. Самое главное – никогда не проигрывать заранее. В том романцевско-ярцевском «Спартаке» по ходу поединка мы могли уступать и в два мяча, и в три, но никто из нас нос не вешал. Были уверены, что отыграемся, и отыгрывались. Мы и вдесятером, и даже вдевяти, как было в Лиге чемпионов со «Спартой», всегда действовали первым номером и, как правило, вытаскивали матчи. Волевые победы – это нечто фантастическое по ощущениям. Безвольные же поражения, которые случались в «Спартаке» в период 2003–2005 годов, – это страшное унижение.

После неудач каждый погружается в себя. Это лучше, чем выяснять отношения и валить вину друг на друга. Хотя без этого тоже не обходится. Просто в такие минуты нервы у всех взвинчены и велика вероятность наговорить вещей, которые в обычной жизни ты никогда не сказал бы. Любое слово после поражения подливает масла огонь, и этот огонь, случается, достигает таких масштабов, что становится нереально его затушить. Именно подобным образом мы потеряли Андрея Тихонова. В сентябре 2000-го в Мадриде мы уступили «Реалу» – ноль-один. Огорчились все ужасно. Мы приехали за победой, матч нам давался, и пропустив нелепый гол, бились до конца. В одном из эпизодов Витя Булатов метров с сорока (!) с левой ноги (!!) попытался забить Касильясу (!!!) и запустил мяч на трибуны. В раздевалке Тихонов на правах капитана предъявил Булатову претензии: Ты что. Роберто Карлосом себя возомнил?!» Витя припомнил Андрею, как тот не реализовал выход один на один. Слово за слово. Все на эмоциях. А Олег Иванович этот разговор прекрасно слышал. Он тут же, при всех, высказал Андрею свое недовольство, причем в жестковатой форме, и на следующий день выставил Тихона на трансфер. Не случись в раздевалке эксцесса, а уж тем более не проиграй мы «Реалу», допускаю, Андрей до сих пор выступал бы за «Спар-

так». Так что сами понимаете, насколько высока цена каждого отдельного матча и каждого сопровождающего его слова.

* * *

Не буду скрывать, после провальных игр команды меня часто разбирает злоба. Иногда чувствуешь: ты сделал все, что мог, а из-за одного человека, который поленился пробежать пять метров, твои усилия и усилия всех ребят оказались напрасными. Так и хочется дать ему по физиономии – аж руки сводит. Но всегда надо помнить, что у нас – коллектив. И атмосферу в этом коллективе нужно беречь. А то представьте: я ударю, другой тоже захочет ударить, и вот у нас уже появился изгой. Все это рано или поздно перенесется на поле. Команда посыплется.

Поэтому в моменты резкого недовольства кем-то, приходя в раздевалку, с досады швыряю бутсы и пулей направляюсь в душевую: только бы не сорваться. Никогда в жизни я ни на кого не орал, не закатывал истерик и уж тем более не махал руками. Но с годами сдерживаться становится все труднее. Наверное, потому что лет до двадцати двух ты не ощущаешь себя ответственным за весь коллектив. Ты и так-то ко всему проще относишься, а тут еще на подсознательном уровне крутится мыслишка, что основной спрос будет с лидеров. Нынешнему подрастающему поколению еще проще: сейчас совсем другой менталитет – западный. Взять, к примеру, НХЛ. Я пытался делать ставки на эту лигу через букмекерский сайт в Интернете. Одна команда на выезде «раздевает» другую – шесть-ноль, через пару дней эта же команда снова играет с ней же, только дома, и попадает – один-двенадцать! А я на нее поставил! Как же, они же их разорвали в гостях, а дома уж давно должны! Почему же получилось иначе? Наверное, потому что парни не занимались самобичеванием. Просто вымылись, поехали перекусили и все забыли.

Я же никогда не перевоспитаюсь и никогда не стану улыбаться после неудачного матча.

Сейчас, приезжая после поражений домой, буквально не нахожу себе места. Мне весь белый свет не мил. Вероника говорит дочке: «Аня, не трогай папу!» В такие часы меня никто не беспокоит. Если раздается звонок, то я заранее знаю, что это не близкий человек. Потому что люди из моего окружения давно усвоили, что меня лучше не дергать. Они позвонят на следующий день, когда я уже приведу себя в порядок.

То, что к поражениям якобы можно привыкнуть, – ерунда! Нереальщина! И вот парадокс: чем чаще проигрываешь, тем больше воспринимаешь. Когда-то слово «поражение» было для меня каким-то чужим и далеким. А потом почти четыре года пришлось вариться в этом кошмаре – испытание не для слабонервных!

Любопытно, что сегодня после финального свистка я спешу в раздевалку, чтобы укрыться в ней, как в бункере, и перевести дыхание. Там все такие, как я, задетые за живое. Там ни на кого не обращаешь внимания и спокойно переосмысливаешь случившееся. В годы же спартаковской гегемонии для нас не было ничего труднее, чем после проигрышей заходить в эту самую раздевалку, где уже находился Олег Иванович. Хотя бывали случаи, когда после нелепых поражений Романцев нас утешал: «Ребят, все нормально». Кошки, которые скребли на душе, сразу куда-то убегали. Драматизм сменяло чувство досады. Досада, впрочем, тоже штука достаточно неприятная. Она потихонечку глохнет и глохнет тебя изнутри, и справиться с ней бывает отнюдь не легко, но это все равно лучше, чем чувствовать, как у тебя болит душа.

* * *

Душа всегда болела, когда Романцев молча ходил по раздевалке. Напряжение было чудовищным. Так длилось минут пять-десять. Олег Иванович ходил взад-вперед, взад-вперед. Монотонно чеканил шаги, потом разворачивался, хлопал дверью, и мы оставались наедине с этим пропитавшим воздух напряжением. Все уже осознали, что послезавтра будет «максималка». Порой казалось, что проще удавиться, чем выдержать такую пытку. Из-за боязни этой «максималки» мы даже испортили свадьбу Мелешину. Леха, естественно, заранее пригласил команду, согласовал все с Олегом Ивановичем. Но что-то наставнику в нашем состоянии не понравилось, и, когда мы после тренировки покидали поле и уже думали о празднике, он нам объявил: «Хорошо вам погулять. Завтра у вас две тренировки, утром – «максималка». Всем стало ясно, что Романцев сделал это специально, дабы никто из нас не нарушил режим. Естественно, на свадьбе никто не пил, пропустили по стаканчику сока, посидели два часочка и разъехались по домам спать. Олег Иванович – очень сильный психолог. Он всегда четко представлял, как ему держать коллектив в тонусе.

Страшнее «максималки» ничего быть не могло, кроме одного – встретиться с Романцевым взглядом. После поражений никто никогда на это не отваживался. Всех с самого начала приучали не высовываться: ветераны сидят понурые, локти кусают, и ты, молодой, наблюдая за ними исподлобья, поступаешь так же. Понимаешь, что вы неправильно играли. Стыдно. И перед собой, и друг перед другом, и перед тренером. С годами ты уже не представляешь другой формы поведения. Даже если не считаешь себя виноватым, то все равно глаза в пол погрузил и не дышишь. Всегда должно пройти какое-то время, прежде чем позволительно будет идти в душ. Естественно, первым прерывает паузу кто-то из «стариков», встает и идет мыться. Молодые дожидаются своей очереди и направляются следом. Вы уже догадались, что сегодня, ну прямо как в известной рекламе, первым в душ иду я.

Стадион стараюсь покидать в одиночестве или в обществе кого-то из партнеров по команде, потому что у нас одно состояние и мы можем молчать, друг друга не напрягая. Ужасно не люблю ехать с человеком, с которым отношения не такие близкие. Тогда нужно искусственно поддерживать разговор, а мне совсем не до этого! Внутри-то все бурлит. И в такой ситуации мне обидно за людей, потому что я их ставлю в неловкое положение. Они не знают, как себя вести. Дабы этого избежать, я лучше замаскируюсь и буду передвигаться пешком.

Когда меня ничто не давит извне и я могу оставаться самим собой, то просто замыкаюсь. Состояние агрессии и досады сменяется ощущением беспросветной пустоты. Мыслей вообще никаких нет. Сидишь, как зомби, и ждешь, когда тебя привезут домой. Там снова начинаешь пережевывать все девяносто минут болезненного матча. Воспоминание о любом эпизоде вытаскивает на поверхность цепочку подобных ситуаций, и ты принимаешь себя корить: почему сыграл так, а не иначе. Надо было вот так!

Заснуть практически нереально. Часов до трех-четырех ночи даже не следует пытаться. Потом, когда одолевает усталость и уровень адреналина в крови опускается до нормальной отметки, погружаешься в забытие. Обязательно видишь сны, в которых воскрешаются ключевые моменты. С той лишь разницей, что во сне играешь так, как следовало бы сыграть. Наяву гола не было, а тут я его забил. Наверное, мозгу тяжело держать в себе всю эту аналитику, вот он от нее таким образом и избавляется.

Завершая тему, расскажу, как я избавил свой мозг от самого болезненного переживания из-за поражения. Случилось это осенью далекого 1998-го. Перед встречей с ЦСКА Лом-Али Ибрагимов нам с Ильей Цымбаларем показал по четвертой желтой карточке, которые автоматически обернулись дисквалификацией. И на поединок с главным конкурентом

наша команда вышла без двух центральных полузащитников. Не зря футболисты говорят, что играть проще, чем сидеть на трибуне. Не то слово! На поле ты в центре событий, твои эмоции направлены в нужное русло. А когда сидишь и ничем не можешь помочь партнерам, внутри полыхает такой пожар, что кровь стучит в висках и сердце сжимается так, будто кто-то сдавливает его клещами. Тогда, наверное, уже со второй минуты я почувствовал, что грянет гром. У армейцев был зубодробительный настрой, они творили чудеса. И вот на табло стало высвечиваться: ноль-один; ноль-два; ноль-три, – я не знал, куда мне от душевной боли и стыда деваться. До финального свистка не продержался, вскочил и как ошпаренный помчался домой. В голове не укладывалось: мы, «Спартак», чемпионы, проиграли в пух и прах (один-четыре) самому заклятому своему сопернику, с которым обычно разбирались без особых проблем. Дома, когда смотрел повторы голов по телевизору, мне казалось, будто это я стоял в наших воротах и только я один виноват в той трагедии. Потом месяцы, недели и дни считал до следующей встречи с ЦСКА. И в 1999 году мы с армейцами с лихвой поквитались. Победили в двух матчах, в одном из которых крупно: четыре-ноль. Я тогда забил и две голевые передачи отдал. Это была сладкая месть! Мы отмазались и показали всем, кто в доме истинный хозяин. Именно таким способом и нужно вычеркивать поражения из своей памяти. Тогда она будет открыта для более приятных моментов твоей жизни.

Глава 7

Как преодолеть психологический барьер после травмы

Через футбол я узнал многое, в том числе и то, что у нормального человека вызывает чувство страха. В детстве, вот не поверите, я думал: это же безумно больно, когда хирург операцию делает и скальпелем человека режет! И как это можно вытерпеть? Я тогда знать не знал, что есть такое спасительное средство – наркоз.

Раньше, когда слышал слово «операция», ощущал неприятный холодок внутри, а сегодня могу про эти операции рассказывать часами. В общей сложности их у меня было четыре. И не факт, что больше не будет. Но это тоже интересно. Такая странная мужская романтика. Как на фронте: у меня было четыре ранения, а я все еще в строю.

Впервые я загремел на стол к хирургам в семнадцать лет. В 1993 году в Сокольническом манеже на старом «убийственном» покрытии у меня полетел мениск на левой ноге. В тот день мы с моим другом Серегой Федоренковым собирались пойти на дискотеку. Не менять же планы?! Я жгутом перетянул себе колено, еще радовался: какой там лед, какие врачи, вот как надо! Фиксатор и впрямь получился отменным. Весь вечер танцевал – хоть бы что, а проснувшись на следующее утро, ужаснулся: колено разнесло до размеров головы теленка. Мне надо было мчаться в Тарасовку, а я встать с кровати не мог. Позвонил отцу, он приехал за мной на машине и отвез на базу. Сергеич Васильков только меня увидел, нахмурился: все ясно, погнали в ЦИТО. Там откачали жидкость из сустава, сделали снимок и вынесли приговор. Вот тогда у меня начался легкий мандраж. Мама и вовсе, когда услышала о необходимости операции, разрыдалась.

Положили меня в общую палату. Там обитал паренек-вратарь на год младше меня. У него вообще все колено накрылось. Еще были вояка, весь переломанный после боевых действий, и какой-то шалопайчик, постоянно травивший байки. В такой веселой компании я уже ни о чем не переживал, насмеялся вдоволь.

Когда после операции меня привезли в палату и я только оклемался от наркоза, мне тут же в руку сунули стакан водки. Вояка уверял, что у них «так положено». Я упорно отказывался, спиртное до этого вообще никогда не употреблял, но бравый офицер сказал: «Надо!» Я подумал, что опытный человек зря советовать не станет. Сделал глоток и понял, что не смогу эту гадость пить. Поморщился, отдал стакан, однако ноге сразу похорошело.

Врачи настоятельно рекомендовали мне лежать. Какое там! Увидев костыли, я в то же мгновение за них ухватился и, абсолютно счастливый, принялся рассекать по всему этажу! Как же, теперь я настоящий футболист, прошел через серьезное испытание. Очень я собой гордился! Страху никакого не было, и глупых мыслей о том, что могут возникнуть осложнения, тоже не проскакивало.

В такие моменты важно навести порядок у себя в голове. Мнительность до добра не доведет. Если начнешь «грузиться», восстановление затянется. Только вот хорохориться тоже не следует. Я же порхал, как бабочка, по всем палатам, в итоге перегрузил ногу и колено вновь отекло. К счастью, обошлось без серьезных последствий, но урок я получил на всю жизнь: важно неукоснительно выполнять все врачебные рекомендации.

* * *

Говорят, что прыгать с парашютом первый раз не очень-то и страшно. Человек просто до конца не осознает, что ему предстоит преодолеть. А вот во второй раз страх наваливается

на него всей своей чудовищной массой. Я и сам подмечал: иной раз перешагнешь через какое-то препятствие, а потом удивляешься сам себе – и как хватило сил и терпения?

То же самое касается второй травмы. На ней психологически многие ломаются. Просто уже зная, через какие муки придется пройти, ты не можешь повторно вдохновить себя на подвиги. Лень и боязнь начинают тебя поддушивать, настроение портится, а в подавленном состоянии поправиться нереально.

Я же свою вторую «засечку» толком и не заметил. Я был в самом расцвете, когда на тренировке опять разлетелся мениск. В тот же день мне стали оформлять визу для поездки на лечение в Германию. Плохо было то, что у меня произошла блокада сустава. Колено заклинило, нога не сгибалась и не разгибалась. Кто-то из партнеров по команде присоветовал мне одного чудака: «Пока тебе делают документы, съезди к экстрасенсу. Он даже переломы лечит». Этот чудо-лекарь кричал на мое колено, бил его, тряс, все норовил ногу мне выпрямить. Ну и выпрямил, окончательно мне там все разворотил.

Зато по прибытию в Леверкузен к доктору Пфайфферу у меня возникло впечатление, что я попал в рай. В России за свою карьеру мне довелось встретиться со всеми ведущими хирургами, в том числе и с Архиповым, и с Орлецким. Очень достойные люди! Профессионалы. Просто у нас нет такого оборудования, как за границей. Наверное, поэтому от прошлого отечественного хирургического вмешательства у меня остались неприятные воспоминания: пролежал сутки, у меня брали анализы, долго подготавливали. Потом на каталке повезли, несколько часов резали и штопали, затем опять жидкость откачивали. А здесь единственное условие было: ничего с утра не есть. Проснулся в семь часов сорок минут, меня посадили в машину, минуту везли от гостиницы до клиники. Там меня уже все ждали. Доктор сразу же побрил мне ногу, нарисовал фломастерами точки в тех местах, где нужно было делать отверстия. После этого меня переодели в халатик, надели шапочку, и я сам пошел в операционную. Мне сделали укол в вену, и я отключился. Через сорок минут все было закончено. Минут десять я находился в бреду, затем очнулся, но еще примерно полчаса мое сознание было затуманено. Вскоре все, включая речь, вернулось в норму. В общем, после операции еще не минул час, а я уже встал и пошел. Фантастика! Мне, конечно, дали костыли на всякий случай, но настоятельно просили обойтись без них. Выполнить это предписание было совсем нетрудно: я чувствовал себя как артист! Самостоятельно добрался до машины и через мгновение оказался в гостиничном номере.

На следующий день в восемь часов поступил в распоряжение лучшего в Германии физиотерапевта Чолека и начал с ним заниматься по специально разработанной программе в общей сложности около шести часов в сутки. Чолек готовил целебные мази по собственным рецептам, которые ускоряли процесс лечения. Профессионализм врачей вселял в меня уверенность. Кроме того, меня очень поддерживала жена Вероника – она всегда была рядом и очень за меня переживала. Нам во всем помогал переводчик Степан Марусинец. Постоянно звонили друзья, близкие, партнеры по команде и даже Олег Иванович Романцев с Юрием Владимировичем Заварзиным.

Я полностью был сосредоточен на мысли быстрее вернуться в строй. Вкалывал как проклятый, смотрел футбол по телевизору, анализировал.

Вернувшись в Москву, неделю занимался с Виктором Сачко, которого мне «сосватал» Витя Булатов, а еще через семь дней уже играл в Лиге чемпионов против «Байера», и играл прилично. Никакого психологического барьера у меня не было.

Когда выходишь на поле, нельзя думать о том, что с тобой может что-то случиться. Если станешь себя беречь, то тебя непременно унесут на носилках. Это еще один простой закон, который трудно объяснить иначе как мистикой.

* * *

Вообще-то до 2002 года у меня не было повода сомневаться в благосклонности футбольной фортуны. Но, как говорится, все хорошее когда-нибудь...

Я еще до конца не оправился от японо-корейского чемпионата мира. Ситуация в «Спартаке» была самой сложной на моем веку. У меня возникло подозрение, что сезон получится провальным. К тому же незадолго до этого я подписал новый контракт с клубом, и мне нужно было оправдывать доверие руководства. В общем, настрой был серьезным, очень хотелось помочь своей родной команде, однако годами накапливающееся напряжение становилось выдерживать все тяжелее. В какой-то степени я стал еще и заложником отечественной системы проведения чемпионата «весна – осень». Если бы мы играли, как вся Европа, «осень – весна», то ничего плохого не стряслось бы. Я после мундиаля ушел бы в заслуженный отпуск, восстановился и начал сезон отдохнувшим. А так получилось, что отдыха не было. Олег Иванович по возвращении из Японии дал нам паузу в четыре дня, и потом мы сразу же полетели на кубковый матч в Новосибирск. Я, признаться, не ожидал, что он поставит там сборников.

И понеслось. Хуже всего было то, что мозг не разгружался. Накопилась колоссальная моральная усталость, а она гораздо опаснее усталости физической. Я слабо понимал, что творится вокруг. Эмоций не было, я напоминал себе какую-то машину по добыванию нужного результата. Убежден: когда мозги не варят, нечего соваться на поле! Но с другой стороны, мы люди подневольные. Ужасно ли ты себя чувствуешь, отлично ли – это твои проблемы. Команда страдать не должна!

И вот в августовском матче с «Анжи» я побежал на добивание, мяч отскочил не туда, куда я рассчитал, и мне резко пришлось менять направление своего движения. Нога «ушла» сама по себе. Никто из соперников меня не трогал! Боль была резкой, тем не менее быстро проходящей. Я сразу выполз за бровку, аккуратно встал и ощутил неприятную слабость в суставе: будто не моя нога. Сергеич Васильков с Колей Лариным сделали мне «восьмерку», то есть наложили фиксирующую повязку: иди попробуй. Я обнадежил себя тем, что у меня шок, он пройдет и все будет нормально. Пробежал пару метров и понял, что все куда серьезнее. Минут пять играл на одной ноге: когда мне делали передачу, я тут же в касание возвращал мяч ближнему. дождался замены, сел на скамейку запасных, приложил лед. Нога воспалилась, я взглянул на нее и подумал: ну вот, наступает не самый приятный период. И эта мысль не вызвала у меня никаких негативных эмоций. Я воспринял случившееся как защитную реакцию организма. Будто он мне сказал: «Хозяин, ты меня совсем загнал, дай-ка я отдохну от греха подальше, а ты о жизни поразмышляй».

Наши доблестные доктора Орджоникидзе, Катулин. Балакирев уже представляли весь драматизм ситуации, но кормили меня небылицами. Совпало так, что в Москву приехал Пфайффер. Томас потрогал мое колено и тут же сказал: «Егор, у тебя полетела передняя крестообразная связка». Потом продемонстрировал мне все наглядно. Дернул здоровую ногу – раздался стук: «Вот видишь, здесь «кресты» целы. Это они стучат. А вот здесь, – он дернул больную ногу, – тишина». Меня поразило поведение Катулина. Он принялся Пфайфферу жестко перечить: «Какие «кресты»?! Вы привыкли резать, а мы его и так в строй поставим».

Мне тогда, конечно, выгодно было верить Артему. На носу маячила Лига чемпионов, и я, даже в глубине души сомневаясь тому, что можно обойтись без операции, не стал возражать против консервативного лечения. Сейчас я точно знаю, что если у человека повреждена передняя крестообразная связка, пускай хоть миллиметровый надрыв, необходимо тут же ложиться под нож. Меня же мучили. Кололи уколы, делали многочисленные процедуры. Наши Гиппократы в один голос меня убеждали: «Молодец! Ударными темпами на поправку

идешь!» Я был жутко собой доволен. И вот наконец-то накануне матча с «Локомотивом» эскулапы дали добро. Я, конечно, чувствовал, что с коленом далеко не все в порядке, – я ведь даже не бил этой ногой по мячу, однако куда деваться: надо играть. На разминке меня не покидало ощущение дискомфорта, кое-как разогрелся в квадрате. Постарался вообще забыть о ноге и сосредоточиться на футболе. На первых минутах перестраховывался, однако игра захватила. И вот в середине первого тайма бросился в отбор на Володю Мамина, думая только о том, как завладеть мячом. И вдруг опять опорная нога вылетела из сустава. Словно отделилась от меня. А вместо нее вернулась страшная боль. Помню только звездочки в глазах. Такие маленькие, летают по кругу. И кроме них больше ничего не вижу. Подошел Олег Иванович, похлопал меня по плечу: «Крепись!»

В тот день мы отмечали день рождения Парфеша, после игры всей командой поехали в ресторан. Я был вместе со всеми: вытянул ногу, укутал ее льдом. Старался улыбаться, поскольку совсем не хотелось портить праздник одному из своих лучших друзей. Продержался пару часов и «отпросился» домой, где пробыл безвылазно пять суток в ожидании германской визы. Ко мне то и дело приезжали телевизионщики и фотографы: очень журналистам было прикольно снимать хромого Титова.

Пфайффер меня ждал: «Я же говорил этому Артему!» Сейчас анализирую те события и прихожу к выводу: уже тогда Катулину надо было оторвать голову. Для него изначально было очевидно, что меня надо оперировать, но он настроил Орджоникидзе и Балакирева скрыть правду. Они фактически нарушили клятву Гиппократу, а из меня просто сделали дурака. Никто, в том числе и руководители, не думали о моем здоровье, всем было важно, чтобы любой ценой я выступил в Лиге. Если бы я тогда разобрался во всем, я бы ни за что Артему больше не доверился и не было бы той годичной дисквалификации из-за допинга. Получилось, что этот человек отобрал у меня в сумме полтора года футбола.

* * *

До Германии я добрался только на десятый день после разрыва связки. В колене скопилась жидкость, которая мешала поставить точный диагноз. Предварительно мне сказали, что у меня повреждены передняя крестообразная и боковая связки и, скорее всего, задняя крестообразная. А это уже «смертный приговор»! Я думал: «Елки зеленые, неужели отыгрался?!» Последние сутки перед операцией мне тяжело дались. Всю свою карьеру в уме прокрутил, а когда наркоз после операции отошел – увидел лицо улыбающегося доктора: «Еще долго играть будешь». Это были одни из самых приятных слов, которые я когда-либо слышал!

Безумно не терпелось начать передвигаться самостоятельно, но дней восемь Пфайффер запрещал мне проявлять подобную активность. И вот настал торжественный момент, мне позволили убрать костыли. И когда я без них прошел метров двадцать, то понял, что операция была сделана идеально и теперь мое футбольное воскрешение зависит только от меня самого.

Я тут же готов был дать руку на отсечение, что преодолю все сложности восстановления и вернусь на зеленый газон спустя восемь месяцев – для такой травмы это считался минимальный срок. Мне же в итоге удалось обогнать время, хотя «кресты» обмануть вроде бы нереально.

Немцы считают, что первый этап реабилитации не менее важен, чем сама операция. Немудрено, что каждый мой день в Леверкузене был расписан по минутам. Пфайффер хотел, чтобы и на второй этап я тоже остался в Германии, но я вообще с трудом могу долго находиться на одном месте, а в чужом и маленьком городке тем более. Я ему сказал: «Нет, Томас, я домой. Тоскую, сил уже нет. Не волнуйся, все будет хорошо».

Дома испытал настоящий экстаз. Просто уйма эмоций! Друзья, близкие приезжали, сменяя друг друга. Кстати, все просили показать колено. Тогда еще был свежий шрам, его с любопытством рассматривали и трогали. Забавно! В общем, психологически я чувствовал себя здорово. А вот физически... У меня наступил катастрофически сложный период: нога от неподвижности атрофировалась, «усохла» до размеров руки. И я поехал к своему другу профессору Катаеву Сергею Семеновичу, с которым мы познакомились во время моей предыдущей операции в Германии – он тоже лечился у Пфайффера. И Катаев направил меня на реабилитацию к потрясающей женщине-физиотерапевту. Под ее руководством я по полтора-два часа в день выполнял хитрые процедуры, и очень быстро функции ноги восстановились. Тем не менее этого было мало. Предстояло преодолеть следующий этап – по шесть-восемь часов в сутки выполнять монотонные упражнения.

* * *

Есть мнение, что в процессе длительного лечения, когда еще не до конца понятно, что там с твоей ногой, человек хотя бы раз оказывается на грани отчаяния. Я же к этой грани даже не приближался.

Очень важно на первых порах не оставаться одному. Иначе неизвестно, какие мысли тебе в голову ползут. Со мной в Германии, и в случае с мениском, и в случае с ИКС, была Вероника. А когда с «крестами» я повторно летал в Леверкузен, так совпало, что рядом был Димка Парфенов, который залечивал тяжелый перелом. Семь дней сплошного смеха! Чуть животы не надорвали. Общение и вдохновляет, и мобилизует, позволяет не заикливаться на болячках. В ходе процедур мы с Парфешей непрерывно болтали. Время летело незаметно. Единственное – меня напрягало то, что рабочий день Пфайффера брал старт в пять утра. В шесть часов Томас приезжал ко мне в гостиницу и проверял ногу. А я вставать спозаранку не привык. В восемь у меня начинались занятия, которые длились до четырнадцати часов. Все было по науке.

Если бы я и в этот раз относился к восстановлению так же, как после первой своей операции, когда был совсем еще салагой, то вряд ли заиграл бы на прежнем уровне. Тогда по неопытности я не закачивал ногу, и она долгое время была худой. Важно не филонить, а ответственно выполнять все предписания. Полагается сделать упражнение сто раз – значит, и надо делать его сто раз, а никак не девяносто восемь и не девяносто девять.

Впрочем, все это меня несколько не напрягало в отличие от внимания общественности. В Германии, например, местный корреспондент «Спорт-экспресса» Эфим устроил на меня настоящую охоту. Его диктофон и фотоаппарат сопровождали меня повсюду. Я каждый день появлялся на страницах авторитетного спортивного издания, и мне это не нравилось. Конечно, приятно быть в центре внимания, но во всем должно быть чувство меры. Полагаю, физиономия Титова в тот период должна была изрядно поднадоесть читателям.

Сложнее же всего было отвечать на постоянные расспросы знакомых и болельщиков: «Как здоровье? Когда вернешься?» Каждый раз, чтобы не повторяться, приходилось придумывать что-то новое. Обижать людей не хочется, все искренне переживают, не скажешь же им: «Да замучили вы уже меня. Самому нелегко, так вы еще всякий раз соль на раны сыплет».

Особенно тяжело, когда сидишь на трибуне, твою команду разрывают в Лиге чемпионов, ты, не зная как унять свою душевную боль, от обиды кусаешь себе губы, и тут кто-то говорит: «Егор, вот бы тебе сейчас на поле выйти!» Удивительно, как я ни разу в такие мгновения не сорвался. Однако все это, если разобраться, мелочи жизни.

Я очень стойкий оловянный солдатик. Меня практически нереально выбить из колеи. Вдобавок, как говорят специалисты, у меня уникальный организм. У нормального человека

пульс семьдесят пять ударов в минуту, а у меня – сорок. После нагрузки восстанавливаюсь молниеносно. Нас в «Спартаке» обследуют каждый день, и Володя Панников, видя мои показатели, только машет рукой: ты можешь идти, твой организм лучше, чем у восемнадцатилетнего.

И вот все это вместе взятое привело к тому, что я уже через четыре месяца (а не через положенные шесть) после операции работал в общей группе. Через пять уже участвовал в спаррингах. Врачи рассчитывали, что я смогу начать играть к третьему туру стартующего чемпионата по тайму-полтора. Я же вышел уже в первом туре на весеннем зиловском огороде и продержался все девяносто минут. По идее в том положении у меня обязан был возникнуть психологический барьер. Но его не было! Все зависит от внутреннего стержня человека. У меня он необычайно крепкий.

* * *

Удивительно: четвертую свою операцию я наблюдал в ночь накануне рокового матча. Вернее, не ее, а то, что ей предшествовало. В вещем сне я видел столкновение, видел, как я потерял сознание, как рядом столпились наши ребята. В общем, все как наяву. Единственное – в реальности сознание я не терял. Эта травма была последней из крупных, поэтому ее могу воспроизвести более точно, чем предыдущие. К тому же как раз в ходе того лечения я и принял окончательное решение о написании этой книги. Но обо всем по порядку.

В квалификационной встрече Лиги чемпионов с «Шерифом» возник обычный игровой эпизод. Рома Павлюченко навесил с фланга на линию штрафной. Я отдавал себе отчет, что до ворот далековато, но все равно пробил головой и тут же получил удар от соперника. Куда угодил мяч, я уже не видел, потом смотрел повтор по телевизору – попал я неплохо, в угол, и молдавскому вратарю потребовалось приложить немало усилий, чтобы избежать гола. Об этом, кстати, я догадался еще во время падения по тому, как зашумели трибуны. Мелькнула мысль: значит, опасно получилось.

Не думаю, что стоит спускать всех собак на защитника. Он не успевал к мячу и, вероятно, просто хотел мне помешать. Я смотрел в другую сторону и о его стремительном приближении узнал только, когда он воткнулся лбом мне в скулу. Упал, держусь за лицо. Убираю руку – боль пронизывает все тело. Я довольно хорошо представляю, что бывает, когда в организме какая-то «деталька» ломается, поэтому сразу понял – со мной не все в порядке.

Затем услышал, как ко мне подбежал Калина. Говорит: все нормально, крови нет. Думаю: хорошо, хоть крови нет, а сам ощупываю лицо и обнаруживаю, что кость на скуле просто провалилась внутрь. Как потом сказали врачи, еще повезло, что у меня там был не открытый, а закрытый перелом. Практически по «Бриллиантовой руке».

Помню, с какими полными ужаса глазами примчался наш доктор Васильков. С Юрием Сергеевичем мы знакомы уже сто лет, и он отлично знает: если я не встаю сразу, а еще и руку поднимаю, то все, надо меня менять.

Когда мы очутились в раздевалке, меня реально затрясло. Я совершенно нормально отношусь к боли, это обычная часть нашей работы, но в тот момент я ничего не мог с собой поделать. Видимо, эта тряска была такой реакцией организма. Шоком! Руки-ноги брейк-данс танцевали.

Раньше, когда со стороны наблюдал за тем, как человека заносят в «скорую», чувствовал себя не в своей тарелке. До сих пор не забыл фамилию голкипера «Лады» Сулимы, которого увезли на реанимобиле с черепно-мозговой травмой, полученной в кубковом матче со «Спартаком». Тогда все мы, и я в том числе, очень волновались за здоровье этого парня. А теперь я сам оказался в «скорой».

Тем не менее по дороге в больницу № 36 я был абсолютно спокоен. Если и переживал, то не столько за себя, сколько за родных, близких, друзей, которые пребывали в неведении. Еще когда покидал поле, поднял руку в сторону трибун, показал «телефон»: мол, позвоню. Но пока добрался от бровки до раздевалки, у меня на мобильном было уже два звонка от жены.

В больнице мне было скорее смешно, чем страшно. Врачи начали заполнять документы, а один доктор принялся щупать мне ноги, руки. Кости таза его тоже интересовали. Я ему говорю: «Вы что, не видите? У меня с лицом проблемы». Он отвечает: «Извините, формальности».

Когда меня повезли на рентген, за мной в очереди оказался молодой парень. Я только потом вспомнил, что в ту среду был День десантника. И когда меня назад к врачу доставили, этот воин приковывал следом. Врач его спрашивает: «Ну что, мимо фонтана нырнул?» Все в смех, а я смеяться не могу, мне даже пошевелиться больно. Кое-как физиономию в одну сторону перекосил, смех сквозь слезы получился.

Доктор посмотрел снимок и сразу сказал: мы вас оставляем здесь на ночь, утром будет консилиум, там и примем решение. И в десять утра меня повезли уже оперировать. Не представляю почему, но на этот раз мне было безразлично, что происходит. Перед первыми двумя операциями я волновался, а сейчас ехал на каталке, можно даже сказать, умиротворенный!

Анестезиолог в операционной принялся вспоминать, какой случай у него был однажды с Бессоновым, я ему что-то ответил и не заметил, как отрубился. Очнулся – рядом стоят жена, отец, сестра. «Как же так, – думаю, – я же только что с врачом разговаривал! Вот это «перепрыгнул»!

К моему удивлению, от наркоза отошел быстро. После операции на «крестах» чего со мной только не было! Меня тогда натуральнейшим образом колбасило, слезы текли ручьем. Сейчас же как будто ничего и не происходило. У меня болело не то что лицо! Болело все! Даже зубы. Я хотел сомкнуть челюсти и не мог, я их просто не ощущал. Ни поесть, ни попить, ни словом перекинуться.

Зато на следующее утро проснулся и не поверил: ничего не болит! Из-за сотрясения мозга меня еще изрядно штормило, но в целом самочувствие было приличное. Позволил себе пообщаться с друзьями. Звонков было множество! В первый день я отдал свой телефон Веронике, и она отвечала всем звонившим. Ей к этому не привыкать. Конечно, приятно, что столько людей старались меня поддержать.

Через неделю швы сняли, синяк под глазом рассосался, я стал выбираться на улицу гулять с собаками, ездить на матчи «Спартака». Недели через две потихонечку приступил к легким тренировкам. Календарь всех наших оставшихся поединков сидел у меня в голове, и я себе наметил обязательно вернуться к матчу с ЦСКА.

Когда приступил к занятиям в общей группе, мне очень жалко было наших ребят. Они так за меня боялись, что расступались, как только мяч направлялся ко мне. Пару дней я потерпел, а потом не выдержал – нет уж, братцы, давайте по-настоящему! С первой же тренировки я без всяких ограничений колотил по мячу головой. Владимир Григорьевич в ужасе кричал: «Тит, ты что делаешь?! Давайте ему мяч низом». Но я нисколько не бравировал, игнорируя всякую осторожность: к тому времени мне уже прекрасно было известно, что на месте перелома образуется костная мозоль и вероятность рецидива сводится к минимуму. Поскольку я вполне уверенно себя чувствовал, к встрече с ЦСКА я вернулся-таки в строй и даже отказался от защитной маски, которую мне специально изготовили в Австрии. Я вновь в игре!

* * *

Травмы... У них бывает разная природа. Но в целом это наша плата за футбол – так называемые издержки профессии. Люди думают, что нам все легко достается, рвачами обзывают. Энергетика же у иных мощнейшая, вот и сыплются на нас всякие неприятности. Это что-то из области черной магии. Да и вид спорта у нас слишком жесткий. Травматизм здесь на порядок выше, чем в хоккее, поэтому футболистов в России даже и не страхуют. Кстати, с приходом Леонида Федуне спартаковцев застраховали. Если человек, зарплата которого, образно говоря, миллион евро в год, получает травму, то теперь убытки несет не клуб, а страховая компания.

Тяжело, когда ломаешься ты сам, но когда ломается твой близкий друг – это и вовсе кошмар. Всегда жутко переживаю. В такой ситуации не нужны слова. Достаточно просто обнять человека, прижать его к себе, как бы поделиться с ним своей силой. Дай бог, чтобы неприятности нас всех обходили стороной!

Глава 8

Как справляться с давлением общественности

Травмы и психологические сбои у спортсменов зачастую бывают следствием того жесточайшего давления, которое на нас оказывается. Статьи в газетах, комментарии по телевидению, выступления ветеранов, отзывы болельщиков в Интернете в сумме своей и образуют нешуточную силу под названием «общественность». Эта «общественность» способна играть человеком точно так же, как океан в десятибалльный шторм маленьким судном: подбрасывать вверх и тут же со всего размаха швырять в пучину, потом снова вздымать на гребень волны и вновь топить. И для того чтобы в такой переделке уцелеть, нужно быть предельно устойчивым и к критике, и к похвале.

Особенно бывает нелегко, когда о тебе долгие годы все отзываются в лестных тонах, а затем словно по команде принимаются тебя травить. Именно это со мной и произошло. Лет пять-шесть я читал и слышал о себе только приятные вещи, но в 2001 году, после того как меня во второй раз признали лучшим футболистом страны, почувствовал, что ко мне начинают относиться с пристрастием. От меня все время ждали чуда, и я уже знал, что, если в ближайшее время этого чуда не покажу, на меня набросятся, как собаки на кость. И когда в 2001 мы в Москве сыграли один-один с югославами, мне досталось за всю российскую сборную. Мне тогда казалось, что только ленивый меня не укусил. Я, к своей чести, в панику не впал, в себе не разочаровался. Даже прятаться от людей не стал. Я отдавал себе отчет в том, что любое мое слово почти наверняка вызовет истерию. Если человек настроен на соответствующую волну, то он придерется к чему угодно. Тем не менее я общался с прессой как ни в чем не бывало и продолжал играть в тот футбол, в который умею. Если бы я засуетился, стал пытаться прыгнуть выше головы или изображать из себя того, кем не являюсь, вот тогда бы наверняка споткнулся.

Публичная персона всегда должна сохранять рассудок холодным. Я в тот период очень трезво все анализировал. Пришел к выводу, что нельзя быть хорошим для всех, особенно если ты постоянно наверху, а твое имя многие олицетворяют с легендарным «Спартаком». Ненависть одной части народных масс столь же неизбежна, как любовь – другой. Я решил для себя, что мое дело – терпеть и продолжать побеждать. Победа – это очень эффективный клеп, которым всегда можно заткнуть рот недоброжелателям.

Не секрет, что журналистский мир поделен на три условных лагеря. Есть объективные служители пера – их единицы. Есть проспартаковские – и их немало. И есть те, чье призвание – танцевать на «могилах» поверженных чемпионов. Таких большинство. Но среди этого большинства есть группа особо желчных и грязных стервятников. В 1990-х они прятались в подполье, совершая диверсии лишь эпизодически, но как только «Спартак» стал сдавать золотые позиции, эти гады повылезали из своих щелей и начали нас клеймить. Романцева уничтожали. Лидеров унижали. Про Червиченко и говорить нечего – его откровенно линчевали. Все это сказывалось на наших отношениях с болельщиками, количество которых на стадионе заметно уменьшилось.

Вот в той ситуации сохранять рассудок было катастрофически сложно. Мне, например, было гораздо легче в 2001 году, когда мне досталось одному. А тут внутри все протестовало. Повсюду виделись заговоры против нас. Многие нападки были совершенно дикими и несправедливыми. Обидно было за Олега Ивановича, за ребят, да порой и за себя тоже. У нас ведь есть родные и близкие. Для них это удар под дых. Выйдет какая-то мерзость в газете – с ними чуть ли не паника. Костерят на чем свет стоит автора статьи, кидаются тебя утешать, и вот такая реакция уже задевает по-настоящему. Не раз и не два в такие мгновения у меня возникало жгучее желание найти очернителя и набить ему морду. Вообще-то память у меня

хорошая, но проходит два-три дня, и фамилии тех, кому собирался бить морду, вылетают у меня из головы. И все же некоторые «журналисты» умудрились напакостить так, что я не охладел к их «творчеству» и спустя годы.

Это, кстати, очень щекотливый вопрос: должен ли уважающий себя человек опускаться до выяснения отношений с разного рода мерзавцами? Уверен, что по крайней мере закрывать глаза на подлость точно не стоит. В идеале нужно жестко реагировать, иначе травля будет продолжаться. Если мы все не будем давать спуска тем, кто, вместо того чтобы заниматься журналистикой, тешит собственные амбиции и пользуется своим служебным положением, то справедливости станет больше.

К тому же не надо забывать, что журналисты, как и футболисты, бывают продажные. И те и другие не заслуживают того, чтобы с ними общаться так же, как с остальными. Если человек вчера по чьему-то заказу накропал на меня или на мою команду пасквиль, а сегодня как ни в чем не бывало обращается с просьбой об интервью, то я просто не имею морального права делать вид, что ничего не произошло. Я оставляю за собой выбор с ним не разговаривать вовсе или разговаривать как мужик с мужиком, без протокола.

Впрочем, есть категории таких тертых калачей, которые честно смотрят тебе в глаза, а отходят на пять метров в сторону и начинают вытирать о тебя ноги. Потом вновь появляются и вновь честно смотрят в глаза.

Очень приятно читать взвешенные статьи. Более того, приятно читать критические статьи. Потому что настоящая критика – это большое искусство, которым владеют единицы. Я вообще за непредвзятую журналистику. Голую лесть в свой адрес не воспринимаю точно так же, как критиканство. Мне не важно, каким меня считают, плохим или хорошим, важно, чтобы меня судили или хвалили за то, что я сделал на самом деле, а не в чьих-то там измышлениях. Впрочем, с возрастом я стал воспринимать спокойно приписывание мне чужих качеств. На меня за мою карьеру навешали столько нелепых ярлыков, что если бы из-за каждого я рвал на голове волосы, наверное, давно бы стал лысым.

Особенно на меня любил вешать ярлыки один мифический эксперт. Был период, когда он пытался душировать всю нашу команду. Напридумывал себе каких-то штампов и после каждого матча нас под эти штампы подгонял. Мы уже сообщая те статьи читали, заранее догадываясь, что там увидим. Было любопытно, каким образом он на этот раз исполнит свою любимую песню. Мы уже знакомым ребятам из «СЭ» говорили: ну, покажите нам этого «аналитика». Не показали...

Есть еще такой журналист, которого волнует только все негативное. Когда в толпе он после матча выкрикивает свою очередную несуслаицу, я его вопросы игнорирую.

Знаете, раньше я заставлял себя на подобных людей внимания не обращать. И даже настраивал себя: вот об этом и об этом говорить не буду. Но потом возмутился самому себе: а почему я должен молчать? И научился переходить в контрнаступление. Я ненавижу конфликты, но если кто-то идет в лобовую атаку, считаю нужным принять бой. Особенно это касается тех случаев, когда приходится выслушивать бесцеремонные суждения и пренебрежительные комментарии от бывшего или действующего футболиста, да еще одноклубника. Даже если он достиг высот, которые нам и не снились, все равно «своих» он не имеет права унижать.

Мнение таких специалистов ничего, кроме чувства агрессии, не вызывает. Однако я всегда могу отделить зерна от плевел. Это по молодости было трудно совладать с эмоциями. Думал про себя: да этот ветеран закончил тридцать лет назад! Что он знает о нынешнем футболе? А постепенно все больше стал проникаться уважением к людям, убеленным сединой и наделенным той мудростью – человеческой и профессиональной, которую запросто так не получишь – ее надо выстрадать и заслужить. Да, они играли в другое время, однако это не значит, что они хуже нас. Многие из них преодолели такое, что нам и не снилось.

Но все равно, кто бы чего ни говорил и ни писал о тебе, у каждого из нас должны быть своя система координат и своя внутренняя шкала контроля. Только так, по своему личному компасу, можно двигаться заданным курсом, не теряя себя.

* * *

После победы в Лиссабоне над «Спортигом» в 2000 году «Спорт-экспресс» на всю газетную полосу поместил мою фотографию: от каждой части моего тела отходила стрелочка с предполагаемой стоимостью. Весь Егор Титов оценивался, кажется, в двадцать миллионов долларов. На соседней полосе располагались выдержки из европейских газет и мнения игроков и тренеров. Общий тон был такой, что Титов – суперфутболист. Ему пора уезжать за рубеж и становиться там звездой. Мне было необычайно приятно. Хорошо, что уже тогда я обладал крепкой психикой, иначе крышу могло бы в два счета сорвать от осознания собственного величия. Сошел бы с ума и канул в никуда.

У хвалебных статей, у болельщицкой любви есть и обратная сторона. Если ты человек ответственный, то из всех сил стремишься доказать, что достоин всего того ажиотажа, который царит вокруг тебя. И если у тебя по каким-то причинам что-то не получается, то становится очень больно.

Не раз я через подобные испытания проходил. Когда вернулся после операции на передней крестообразной связке, все только и говорили: Титов обязан опять втащить «Спартак» на вершину. Атмосфера была такой, что мне ничего не оставалось, как с самого же первого касания мяча начать разрывать соперников. Но команда уже падала в пропасть, и в той ситуации ни одна мировая звезда не смогла бы притормозить падение. Этим и успокаивался. Сидел в одиночестве и сам себя утешал: «Ты всего лишь человек. Такой же, как остальные. Не получилось у тебя сегодня стать чудотворцем – получится завтра!»

Еще сложнее было в 2005 году, после дисквалификации. По отдельности большинство людей адекватно смотрят на жизнь, но, становясь составляющей частью толпы, кидаются из крайности в крайность: или все белое, или все черное. С моим возвращением на поле поклонники «красно-белых» связывали такие ожидания, что моим близким становилось страшно. Это был тяжелейший моральный груз. Было пару мгновений, когда он мне представлялся непосильным, но я справился и с ним. Самое главное, что мои внутренние сомнения и переживания не были заметны со стороны. Как некоторые простуду переносят на ногах, так и я душевную боль переносил в пути. Для того чтобы заиграть в соответствии со своим потенциалом, я непрерывно над собой трудился. В процессе того «переходного периода» у значительной части толпы случился очередной перепад настроений и меня фактически приговорили: «Он кончился! Он больше ничего собой не представляет!»

Я вновь терпел. Знал, что рано или поздно докажу: футболист Титов жив! Не скрываю, для меня это было делом чести. В итоге я стал капитаном сборной, вошел в клуб «100», выстрелил в ряде ключевых матчей, и если не всех, то многих скептиков посрамил. Самое важное, я сам себе дал понять: еще что-то могу. И могу немало!

При этом прекрасно понимаю, что существует такая категория зубоскалов, которым никто никогда ничего не докажет. Они все отрицают. Вот из-за них свои нервы портить не следует, нужно просто наплевать, и все.

Я натура любознательная. Обожаю наблюдать за разными явлениями, в связи с чем достаточно часто посещаю гостевую книгу спартаковских болельщиков – так называемую «ВВ». Бывает, заходишь туда после какого-то матча и поражаешься, насколько же диаметрально противоположные у пользователей Всемирной паутины мнения. Смотрели одну картинку – «один увидел дождь и грязь, другой листы зеленой вяза, весну и небо голубое». Поизучав «ВВ» на протяжении определенного периода, сделал вывод: сама игра на точку

зрения многих вовсе не влияет. Люди заранее вбили себе в голову какие-то постулаты, зачастую основанные на единичных случаях, и потом из раза в раз ищут подтверждения этим постулатам, старательно притягивая их за уши.

Но значительная масса – это так называемые крикуны. Все, на что они способны, это подхватить чей-то клич. Случается, читаешь, как все на тебя нападают. Потом кто-то выйдет в защиту: «Опомнитесь. Егор – наше всё!» – и уже через пять минут за тебя любой глотку готов перегрызть. Смешно бывает, когда человек, только что высказывающий свое «фи», уже слагает оды в твой адрес. Однако и это еще не все. Народ не умеет долго кем-то восхищаться, ему нужна свежая тема, дающая новизну ощущений. И вот опять кто-то заводит клич: «Титов уже не тот!» И эхом разносится: «Не тот, не тот».

Слышал, что у «Спартака» около тридцати миллионов болельщиков. В среднем хотя бы один из тридцати – пессимист (не путать с подлецом). То есть я всегда помню, что за нас болеет один миллион пессимистов, которые ни при каком раскладе «не дадут нам засохнуть». Но поскольку это все-таки наши поклонники, то я стараюсь опровергнуть их опасения. Я бьюсь за этих людей, за их хорошее настроение. Признаться, это непросто.

Нужно учитывать, что тот самый пресловутый фактор ожидания новизны все больше играет против меня. Приелся я многим, даже тем, кто считает меня «священной коровой». Уже второй десяток пошел, как воспевают мое имя. Жизнь так устроена, что вечных кумиров не бывает. Необходимы свежие герои. Я точно так же, как и наши фанаты, жду появления этих героев. Но вот парадокс: в том, что они не торопятся появляться, виноватым зачастую почему-то оказываюсь я. Особенно после того, как в команде не стало Аленичева, Парфенова и Ковтуна. Раньше их тоже критиковали, и эта критика делилась на нас всех, но после того как ребята команду покинули, они сделались неприкасаемыми. О них теперь принято говорить только с придыханием. И Юрок с двумя Димками этого заслуживают. Вообще человеческая натура так устроена, что больше ценит прошлое и будущее, нежели настоящее. Когда я повешу бутсы на гвоздь, быть может, тоже стану великим. И те, кто сегодня от меня устал, будут проливать слезы из-за того, что Титов больше не выходит на поле. Но это будет потом, а пока я буду тащить свой крест и отдуваться за все наше романцевское поколение. Я буду получать на орехи и за тех, кто еще не заиграл. И все это я буду воспринимать точно так же, как воспринимаю сейчас, – абсолютно нормально.

Бывает, читаю про себя что-то раздражительное и говорю сам себе; ну что ты хочешь. Тит, твоя морда уже всем надоела. Помните, как Мягков в «Иронии судьбы»: «Ну что вы ходите туда-сюда, туда-сюда!» Вот и я «туда-сюда» маячу пред глазами. Я уже прошу нашего пресс-атташе: не надо меня дергать на всевозможные акции, дайте дорогу молодым.

Кстати, в 2006 году у нас появился Ромка Шишкин. На гостевой книге «красно-белых» он мгновенно завоевал бешеную популярность: «Шиша – в порядке! Шиша – the best!» Я был рад за Ромку. Но уже тогда дал ему понять: нужно начать себя готовить к тому, что народная любовь – это палка о двух концах. Ожидание масс постоянно будет расти, и если пару-тройку раз его не оправдаешь, то с большой долей вероятности получишь ощутимый удар.

Грань между любовью и ненавистью еще тоньше, чем кажется. Иной раз секунда способна все перевернуть с ног на голову. Ковалевски в 2005 году спартаковские болельщики в Интернете признали лучшим футболистом года, в 2006 пели ему оды, а после того как в матче с «Торпедо» Войцех на последней минуте пропустил нелепый гол, я ужаснулся тому, что стали писать на «ВВ». Нашего вратаря просто стерли в порошок. Фактически над любым из нас занесен дамклов меч, который при случае опустится тебе на шею. Если будешь об этом думать, то себя потеряешь.

Конечно, где-то я утрирую. Хватает настоящих личностей со своей жизненной позицией, умеющих объективно оценивать происходящее. Я знаю «ники» некоторых из них и почти всегда читаю их высказывания. Как бы то ни было, я давно себе внушил, что к мне-

ниям болельщиков нужно относиться философски. Футбол существует для того, чтобы люди выплескивали свои эмоции. И тут уже достается всем во всем мире. Особенно от фанатов других клубов. И особенно в выездных матчах.

Я отстраняюсь от этого. Будто все это творится не в реальной жизни, а по телевизору. Понимаю, что меня провоцируют. Но я сильнее духом, чем эти провокаторы. Мне их мышьяная возня безразлична. Я просто поднимаю голову и смотрю в их сторону точно так же, как, например, на столб или на дерево. Недоброжелатели видят, что меня нельзя вывести из состояния равновесия, и боятся от собственной беспомощности. Конечно, когда ты все время «под прицелом», зарекаться ни от чего нельзя. Тем не менее не представляю, что должно произойти, чтобы я, как мой приятель Саша Ширко, кинулся на трибуну бить кому-то физиономию. Когда я увидел кадры ярославского инцидента, у меня глаза из орбит полезли. Это к разговору о том, насколько нелегка шапка Мономаха.

Нам, представителям публичных профессий, необходимо помнить, что мы себе полностью не принадлежим и несем общественную нагрузку. В каждом поступке я обязан задумываться: не наврежу ли я чем-то своему клубу? Нельзя, чтобы у болельщиков сложилось мнение, будто игроки «Спартак» – люди зазнавшиеся. Хотя иногда заставить себя общаться все равно не получается.

Осенью 2001-го, например, в самолете, когда мы летели из Владикавказа, мне показалось, что мой организм на грани. Перед этим за неделю я сыграл три наисложнейших матча, которые проводились на вязких полях. Выложился полностью, потерял четыре килограмма. Немудрено, что тошнило меня тогда жутко. Спас наш доктор – дал мне валокордин, чего-то в него добавил, и я понял, что еще поживу. В тот год я впервые сыграл по жесточайшему графику: 6, 10, 13, 17, 20, 23, 27, 31 октября. Бился за «золото», выступал за сборную и корячился в Лиге чемпионов. Довел себя до кошмарного состояния. Понимал всю значимость событий, внушал себе: «Надо, надо, надо!» – но при этом чувствовал, что я пустой. На меня непрерывно давило осознание того, что любой предстоящий матч нужно выигрывать. Во что бы то ни стало! Все уже было не в радость. Сидел на сборах на базе и не сомневался: так и должно быть. Так будет еще месяц, два, вечность. И отпуск проведу на базе. Потом, когда урывками видел своих родных и близких, понимал: о, оказывается, на свете еще что-то помимо четырех стен тарасовской комнаты существует. Но, к счастью, до спортивного безразличия дело не дошло. Зато дошло до того, что мне было абсолютно все равно, кто обо мне чего думает, а в таком состоянии весьма сложно поддерживать имидж счастливой спартаковской звезды.

То есть у каждого из нас бывают разные периоды. Принципиальное отличие публичного человека в том, что людям до твоих проблем дела нет. Они хотят видеть тебя успешным, улыбающимся и дающим результат. Будь добр соответствовать своему статусу! Я к этому привык, и это меня в общем-то уже не тяготит. Единственное, чего мне в моей популярности действительно жаль, так это того, что у меня нет возможности побыть простым человеком. Далеко не всегда могу себе позволить выйти на улицу прогуляться или спокойно посидеть с семьей в самом обычном кафе. Любителей футбола везде множество, и я прекрасно отдаю себе отчет, что в общественном месте мне придется заниматься тем, что от меня потребуют окружающие. Фотографироваться, давать автографы и отвечать на вопросы о том, когда «Спартак» вновь будет чемпионом.

Конечно же, я не жалею! В любой профессии есть свои издержки. Наши издержки с лихвой покрываются целым комплексом очевидных достоинств.

* * *

Регулярно мне поступают совершенно нереальные предложения принять участие в каком-нибудь суперпроекте. Дина Арифиллина, например, уговаривала меня стать конкурсантом «Фабрики звезд». Я, безусловно, был тронут, но, во-первых, я не певец, а спортсмен. А во-вторых, у меня есть другие дела и обязательства, которые не позволяют мне тратить недели и месяцы на просиживание в студии. Мне было нелегко все это объяснить уважаемым людям.

В 2006 году меня звали то ли в «Танцы на льду», то ли в «Две звезды». Я признателен за такое внимание, но меня поразило то, что организаторы, которым я вынужден был отказать, не хотели прислушаться к моим доводам да и просто к здравому смыслу. Я сказал: «Ну, допустим, я соглашусь. Как вы это себе представляете? У меня же игры и тренировки». Последовал ответ: «А мы вас будем забирать на два дня, а потом отпускать». Ни один мой аргумент, что это утопия, не был принят.

Но больше всего меня потрясло то, что в 2002 году меня пригласили в реалити-шоу «Последний герой». Только два месяца минуло с тех пор, как мне прооперировали колено. Позвонил Витя Гусев и предупредил: «Егор, тебя хотят видеть на острове. Хорошенько подумай». С продюсерами проекта у нас случился очень забавный разговор: «Да я даже ходить толком не способен. Куда я поеду? У меня куча процедур». – «Мы вам создадим все условия». – «Да я ни в одном конкурсе не смогу быть задействован». – «Мы специально придумаем конкурсы под вас». – «Да там же песок, вы понимаете, что будет, если он попадет в рану? «Кресты» – это очень серьезная травма. Здесь шутить нельзя». Все бесполезно! Надеюсь, что на меня никто не обиделся за мои отказы. Если бы я мог себе позволить все что угодно, я бы, конечно, во всех случаях ответил согласием. Мне было бы любопытно себя испытать и посостязаться в той сфере деятельности, где я не считаюсь докой.

Говорю так уверенно еще и потому, что мне понравилось быть участником игры «Форт Боярд». Та поездка не была затяжной и состоялась в тот период, когда я был дисквалифицирован. Мне требовалось отвлечься от тягостных мыслей, а организаторы мероприятия оплатили вояж и для членов моей семьи. Море незабываемых впечатлений получил. Когда-нибудь после окончания карьеры попробую повторить нечто подобное.

Ну а пока я буду вести привычный образ жизни и испытывать на себе все то давление, которое неизбежно в моем положении. Моим недоброжелателям придется терпеть мою физиономию еще не один год, и на протяжении всего этого срока я буду стараться раз за разом доказывать, что Егор Титов умеет побеждать.

Человеческий фактор

Глава 9

Как безболезненно влиться в коллектив

Прекрасно помню тот сентябрьский день 1992 года, когда я, шестнадцатилетний юнец, попал в полноценный спартаковский коллектив со всеми его мегазвездами. Накануне Королев сказал мне: «Все, Егор, пора вступать во взрослую жизнь. Завтра начинаешь заниматься с дублем». Я, признаться, опешил. Раньше дубль и основа тренировались вместе и ездили в одном автобусе. И по мере того как приближалось время моей явки к всеобщему месту дислокации, волнение душило все сильнее и сильнее. Когда вышел из метро «Сокольники» и посмотрел на легендарные часы, под которыми традиционно собиралась команда, у меня колени ходуном заходили. Оставалось двадцать минут до отъезда, и я страстно желал, чтобы они истекли как можно быстрее. Я кружил кругами вокруг автобуса и ломал голову: ну как я поднимусь на ступеньки, что скажу: «Здрасьте, я Титов»?

И вот я все-таки собрался с духом и шагнул в распахнутую пасть этого огромного спартакОВОЗА. Сердце колотилось как бешеное. Поздоровался со всеми и, опустив глазки, прошмыгнул в конец салона. Это же негласное правило: старики – в начале, молодежь – в конце. Сел, осмотрелся, выдохнул и стал ждать, когда появится мой приятель Андрюха Мовсесьян, который был в равном со мной положении. Вместе нам было уже полегче.

И все же мандраж перед клубным транспортным средством у меня сохранялся еще долго. Примерно через год-полтора после этой моей первой поездки меня официально перевели в основную обойму, и к дублю я уже не имел никакого отношения. Как на беду я заболел и за неделю отвык от такого морального напряжения. Когда поправился, примчался в Сокольники и обнаружил там два автобуса: дубль на этот раз ехал тренироваться в манеж, первая команда – на базу. Так я проявил инициативу и втихаря уселся к дублерам. Администраторы пытались спровадить меня в большой автобус, но я наотрез отказался. По прибытии на место возникла неприятная ситуация: мне напихали и в срочном порядке на электричке отправили в Тарасовку. Мне было жутко неудобно! Пока трясся по железной дороге, все думал: «Ну зачем мне эта основа? Я же там ни с кем не знаком. Мне рано туда. Еще бы в дубле поиграть» (туда уже перебралась треть выпускников нашего 1976 года). Мы ведь по всем ступенечкам сообща поднимались, а тут меня оторвали от всех и бросили на передовую. И чем ближе я подъезжал к Тарасовке, тем отчетливее у меня перед глазами всплывала картина того, насколько неожиданно все это произошло.

Незадолго до описываемых событий на одной половине поля тренировался дубль, на другой – основа. Я, как и все дублеры, не упускал возможности лишний раз кинуть взгляд на «стариков». И вот наставник дубля Виктор Зернов мне говорит: «Егор, иди туда, тебя Иваныч зовет». И я, перейдя центральную линию поля, фактически перешел во взрослую жизнь. Тогда-то я полагал: проведу двадцать-тридцать минут у Романцева и вернусь назад к своим пацанам. А оказалось, что мне уже было не суждено вернуться. Любопытно, что с тех пор во время занятий я стал озираться в обратном направлении: что там мои ребята делают? Чтобы описать то мое состояние, приведу фразу Василия Алибабаевича из культовых «Джентльменов удачи»: «А в тюрьме сейчас макароны...»

Сложности в большом «Спартаке» подстерегали на каждом шагу. Я еще со школы знал, что первый раз прийти в незнакомый коллектив и сесть за стол – проблема для многих. Я готовил себя к этому. Поэтому зашел в столовую и спросил: «Извините, куда можно

сесть?» Мне кивнули на угол длинного стола, который предназначался для дублеров. И там, в углу, вместе с Саней Липко, Андрюхой Коноваловым и Димкой Хлестовым мы трапезничали несколько лет. Хлест не ел черную икру, и поэтому каждый из нашей троицы старался прийти пораньше, чтобы забрать Димкину порцию себе. Однако года через три Барези икру полюбил, и мне до сих пор любопытно: с чего это вдруг на него снизошло такое озарение?

Так вот, в столовой я всегда старался украдкой наблюдать за основой, игроки которой сидели за изящными столиками по четыре человека. Люди себя чувствовали очень раскованно: шутки текли рекой. Тогда там были собраны лучшие футболисты страны, и неудивительно, что я ловил каждое их движение. Правда, всегда опасался, что кто-то поймает мой взгляд. Боялся попасть в неприятное положение и стать объектом подколов. Тот «курс молодого бойца» мне здорово помог. Я же изучил все изнутри, и когда пробил мой час, мне оказалось гораздо проще перебраться в иной статус, хотя эта процедура и заняла немало времени.

В 1993 году мой первый матч за дубль проходил на резиновом покрытии «Лужников» с командой «Траско». И мне посчастливилось сыграть в паре с Черенковым. Федору Федоровичу тогда уже было почти тридцать четыре года, а он по-свойски со мной общался, как с равным. Я, окрыленный, забил два гола, причем один с передачи своего кумира. Эмоции непередаваемые! Видимо, Олег Иванович почувствовал, что я готов выйти на новый уровень, и решил подпустить меня к основному составу. Мы встречались со сборной Ирана. Я был в запасе и стоял за воротами. Так Федор Федорович сам подошел ко мне и сказал: «А ты молодец, голова светлая». Клянусь, счастливее Егора Титова в ту минуту никого на земле не было! Меня похвалил не просто великий мастер, а человек, на игре которого я вырос. Наверное, неделю я, преисполненный гордости, всем своим друзьям беспрерывно рассказывал фантастическую историю о том, что на меня обратил внимание сам Черенков.

Через какое-то время я настолько обнаглел, что даже попросил Маэстро довезти меня до Сокольников. Мне не хотелось ждать двадцать минут, оставшиеся до отправления автобуса с базы, вот я и увязался за Федором Федорычем. И вновь мне трудно было совладать с эмоциями. Представьте только, меня на своих «жигулях» шестой модели везет сам Черенков! Я открыл окошко, положил на дверцу руку. Сижу, свечусь, как кокарда на папахе, и от этого слабо чего соображаю. Когда Федор Федорович закурил, я по-свойски попросил у него сигаретку. И он очень спокойно, тактично (!) сказал: «Моя карьера уже заканчивается, а у тебя вся жизнь впереди. Тебе это навредит. Я начал курить уже на излете. Мне осталось-то играть сезон – максимум два, и сейчас я могу себе позволить не думать о своем здоровье. А ты себя береги». К тому моменту я уже год баловался сигаретами и не ощущал от них никакого вреда. В общем, тогда всерьез мудрый совет не воспринял. Но через какое-то время все же стал прислушиваться к своему организму. И вскоре, во многом благодаря влиянию отца, твердо решил с никотином покончить. С тех пор не курю.

* * *

К слову, звезды того последнего советского поколения шокировали меня своей простотой, своей душевностью. Они вдыхали в меня силы, добавляли уверенности.

В 1995 году меня включили в заявку на выездной матч Лиги чемпионов с «Блэкберном». Это был первый мой выезд подобного масштаба, и я совершенно не представлял, как мне себя вести. В холле гостиницы Салих Хаджи раздавал всем ключи, а я приткнулся в уголочке и с нетерпением ждал своей очереди: с кем же меня поселят? И вот другой мой любимый футболист, легендарный Сергей Родионов, улыбается и говорит: «Ну, пошли!» Иду вслед за ним по коридору и поверить не могу: мне предстоит делить номер с самим Родионовым! В памяти всплывает, как в «Олимпийском» Сергей забивает в ворота ненавистного ЦСКА победный гол, и я, мальчишка, схожу с ума от радости. А теперь... Теперь: вот

он я – тот самый мальчишка, а вот тот самый Родионов дает мне ненавязчивые практичные советы. У меня тогда планку натуральным образом снесло от сказочности всего происходящего. Настолько, что я боялся уходить из номера. Думал, вот появится Родионов, а ключ-то у меня. Что, он за мной бегать будет по всему отелю? В общем, в свободное время я наши четыре стены не покидал ни на секунду и... много говорил по телефону.

Хвастался самым примитивным образом: звонил родителям и рассказывал: «Я с Серегой Родионовым соседствую». Я же тогда не предполагал, что за эти телефонные переговоры нужно будет еще и деньги платить. И вот когда мы уезжали, на наш номер выставили какой-то гигантский счет. Я как увидел, у меня глаза на лоб – денег-то нет. Стою красный как рак. Сергей посмотрел: «Егор, я оплачу, не забивай голову».

Я так уж устроен, делаю выводы практически из всего. И после того случая перестал пользоваться гостиничными телефонами. Но куда важнее то, что я во взрослом коллективе почувствовал себя уютнее. Уже в самолете по дороге в Москву ощущал себя составляющей частью этой выдающейся команды. Вскоре я перестал бояться собственной тени и гипотетических косых взглядов. Еще крепче сблизился с Андреем Ивановым, который регулярно подвозил меня на своей «пятерке». У Андрея всегда в машине лежал блок жвачки «белая стрелка», и он постоянно эту жвачку жевал. Как сегодня – Моуринью. Я всегда с особым вниманием слушал рассказы Андрея об особенностях жизни профессионального спортсмена, да и вообще мне с ним было чертовски легко. Разницы в девять лет не улавливалось.

Когда по какой-то причине не удавалось «сесть на хвост» Иванову, я просился в попутчики к другому Андрею – Афанасьеву. И те поездки мне тоже многое дали. Я часто в такие минуты представлял себя на месте своих старших товарищей. Размышлял, как буду себя вести, когда достигну таких же высот, как они, во что я буду одеваться, как расставлять приоритеты. Единственное, на что не хватало моей фантазии, так это представить себя «в шкуре» Коли Писарева. Коля казался мне посланником иной галактики, и я всякий раз слушал его с раскрытым ртом. Николай был близким другом Андрея Иванова, и тот через знакомых доставал ему какие-то западные шмотки, которые в России можно было увидеть разве что по телевизору. Коля был заправским модником, одевался, как голливудская знаменитость, ездил на огромном длиннущем «мерседесе», который также ассоциировался у меня с богатой Америкой. Писарев часто делился впечатлениями о том, как он отобедал в таком-то ресторане за сто долларов. У меня волосы вставали дыбом: как так можно? Сто долларов за обед? У меня-то по тем временам одна задача была – потренироваться да найти кого-нибудь, кто меня из Тарасовки вывезет. То есть контраст в мировоззрении существовал ошеломительный.

* * *

Минула всего-то пара месяцев после вояжа в Англию, как основа ко мне привыкла. И я даже стал одним из первых, кому Онопко сообщил о своем отъезде в Испанию. Витя подвозил меня с клуба на базу и по дороге признался: устал, все, уезжаю. Вите действительно тогда было тяжело, вдобавок у него угнали машину. В общем, я его понял, но воспринял услышанное с огромным сожалением. Для меня Витя был человеком, который съел с потрохами Гуллита и Раша.

И получилось, что идол спартаковской современности не просто меня подвез, но и поделился сокровенным. К счастью, свои первые шишки по неадекватности восприятия я себе уже набил, поэтому, несмотря на охвативший меня восторг, твердую почву под ногами сохранил. Я четко уловил границы, которые переходить нельзя. «Старики» звали друг друга по прозвищам: Пята. Ника. Цыля и так далее. Но если бы я попытался проделать то же самое, мне бы быстро закрыли рот. Мне еще предстояло заслужить право подобного обращения к

основным игрокам. Тут важно чувствовать эту самую разумную дистанцию. Нельзя быть излишне застенчивым, но и в панибратство впадать тоже не стоит.

Я лично к прозвищам отношусь спокойно. Как только я попал в дубль, меня стали называть Тит. Теперь это будто мое второе имя. Мне даже иногда бывает непривычно, когда в команде кто-то называет меня Егором. Поэтому, если кто-то из молодых себе и позволит обратиться ко мне «Тит», я его за это в бараний рог скручивать не буду. Те же, с кем мы не раз вместе выходили на поле, переделывают мое футбольное имя на все лады. Титовский, Титушка, Титуля. Вариаций десять-двенадцать. Я, как собака, откликаюсь на все. И меня это совсем не задевает.

* * *

Когда человек пытается утвердиться в коллективе, он не должен быть «гуттаперчевым мальчишкой». Он обязан вести себя так, чтобы окружающие чувствовали наличие у него своего «я», при этом ни в коем случае не нужно это самое свое «я» выпячивать. У меня всегда на все происходящее было свое внутреннее мнение. И «что такое хорошо и что такое плохо», я тоже знал. Но понимал, что молчание – золото. Сам к «дедушкам» с разговорами не лез. Когда меня что-то спрашивали, отвечал кратко: да или нет. Все-таки в поговорке «Молчи – за умного сойдешь» достаточно мудрости. Вот я играл и молчал. Как в армии!

К тому же я был спартаковским воспитанником. В ту пору это звучало особенно гордо. Даже в трудные периоды не сомневался: мое время непременно наступит. Это придавало хладнокровия. Николай Петрович Старостин любил доморощенных игроков. У него была цель, чтобы в «Спартаке» выступали только свои воспитанники. Ему пытались доказать, что это из области фантастики, но патриарх был уверен, что «Спартак» рано или поздно придет к этому. Я тоже надеюсь, что когда-нибудь мечта Николая Петровича сбудется. Признаться, очень хотелось бы вывести на поле команду, игроки которой выросли в тех же условиях, впитали в себя те же традиции, что и ты сам. Это будет торжество спартаковской идеи.

Ничего не имею против легионеров, но в них другая кровь, иной дух. Раньше мы собирались все вместе. Травили байки, чего-то изобретали, спорили, докапывались до истины. Мы были одним целым. А теперь, и это не только в «Спартаке», а во всех российских командах: потренировались, поели молча и по номерам разбежались. Человеческого контакта нет. Мы не ощущаем себя одной семьей. Впрочем, в 2007 году появились предпосылки к изменению ситуации в лучшую сторону.

И все же я на месте спартаковского руководства сократил бы функции нашего переводчика Жоры Чавдаря. А то он с этими варягами носится как с грудными детьми. А так им оставалось бы надеяться прежде всего на себя. Захотели бы выжить – выучили бы язык, прониклись русским менталитетом, пошли в народ, к нам – старожилам.

Ведь удалось же в свое время Робсону, а потом и Войцеху Ковалевски стать своими. Этих ребят я никогда не считал чужаками. Они такие же, как мы. Родные. И у каждого из них есть харизма.

Вот, кстати, наверное, тот ключевой компонент, которым должен обладать игрок, получивший приглашение в «Спартак». Оглядываюсь назад и понимаю: я с первых же дней появления человека в команде чувствовал – закрепится он у нас или нет. Люди с харизмой сразу бросались в глаза и без проблем вливались в наши ряды.

Помню, как появился Вася Баранов – никому не известный полузащитник из «Балтики». Вальяжный. На вид несерьезный. На поле разгильдяй, но мужик до мозга костей. Пахарь. Яркая личность. Мы его сразу же признали: этот нам поможет.

А Юрка Ковтун? Угловатенький. Представлений о спартаковском футболе – ноль. Но у Юрки сразу же проглядывалась его душа – добрая, надежная. Он хотел учиться, постигать

незнакомый для себя футбол. Мы ему тут же доверились. И для меня на стыке тысячелетий лучшего левого защитника в России не существовало.

Дима Парфенов вообще с первого же дня своего появления в Тарасовке сделался равным среди равных. Во-первых, одессит. Это изначально гарантировало успех. Цыля взял над земляком шефство, представил нам Парфешу: «Тоша, свой человек!» Раз Цыля сказал, что свой, – значит свой. Да это и так было ясно, без представлений.

И перечислять можно долго.

До сих пор не смогу объяснить, в чем изюминка всех этих людей. Но то, что она у каждого из тех, кто надолго закрепился в «Спартаке», была и есть – это бесспорно.

* * *

Не бывает команд, где царит идиллия. Это бред! У нас тоже хватало разногласий. В «Спартаке» все были людьми амбициозными, с непростыми характерами. Щекотливых ситуаций, при которых эти характеры могли столкнуться, возникало в избытке. Но в 1990-х годах крупных конфликтов у нас никогда не происходило. Если и выясняли отношения, то «под подушкой», чтобы никто не слышал и не видел. В «Спартаке» был один человек, который решал абсолютно все. Это Романцев! И что бы ты ни делал, как бы ты ни возмущался, все это не имело значения, потому что повлиять на Олега Ивановича было невозможно. Вдобавок в «Спартаке», впрочем, как и в любой другой команде, были своя иерархия и свои негласные законы, которые никто никогда не нарушал. Если кто-то не хотел принимать «устав нашего монастыря», то он «выдавливался» из Тарасовки. Причем не кем-то, а самой жизнью. Да у нас тогда, за редким исключением, почти и не было случайных людей. Даже личности с гонором – и те рано или поздно начинали приносить пользу. Обычно отваливались как раз такие, кому не хватало спортивной наглости. Был у нас нападающий Серега Лутовинов – парень приятный, не без таланта. Но он психологически так и не смог перестроиться с Коломны на «Спартак», даже на поле боялся кого-то из нас с голом поздравить. Подбегал, смотрел и убегал назад. Так и убежал в неизвестность. В спортивном коллективе лучше быть более ярким, более твердым, порой и наглым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.